

создать, какъ Я. Дю Свотуръ на мой свотуръ, и нашъ образъ воззрѣній, какъ некая, существенно различная." Но нуденсервие въ Гудонингадѣ рѣшило участь Шмиллера. Предсказанный другомъ своимъ Вольцогеманомъ семейству Леннефельда, Шмиллеръ поубеждалъ при взаимности къ младшей дочери Леннефельда. Она была въ Шмиллерѣ идеальна поэтесса и словесница и требовала отъ него сриховъ. Для заключенія брака осмидали зомько, когда поэтъ займется профессорскою кафедрой въ Зенге, и въ декабрь 1780 года Шмиллеръ, благодаря стараниямъ Тэде, козодый, конечно, не симпатизировавъ ^{но все-таки} его бурнымъ и свободомыслиемъ, оцрѣмляемъ, ^{восо-} ко црѣмилъ его какъ воспитателя и Гудонингса, получивъ отъ веймарскаго кабинета предложеніе занять кафедру негоріи въ уномдмузольна университетѣ, предложеніе не предсказывало особивы выгоды для Шмиллера, зато какъ съ экстраординарною, козодую мнѣнью въ виду для него, не было соединено опредѣленнаго содержанія, и приговоровенія къ лекціямъ требовали усиленныя занятія, оублекавшимаго отъ поэтическимаго таланта. Мнѣнью не менѣе она не счелъ удобнымаго оубказаться отъ погребнаго и высокаго (въ Германіи) положенія, зрѣнью болѣе, что оно давало ему возможность оубиссезвиръ своего таланта и безупречъ въ бракѣ съ Шарлоттой Леннефельдъ. Знѣма прошла въ приговоровенія къ профессору и въ журналистимаго редактора.

Въ мачѣ 1789г. Шмиллеръ ^{прочелъ} въ Зенге своего безупречнаго, ную лекцію на зѣнгу: "Что такое всеобщая негорія и съ какого цѣлоста нуднаго ее?" Сурденгса были поло.

индально во воеводства, и самъ Шмиллеръ бывъ огло
 доволень своимъ усталомъ, когъ не надолго. Въ
 Январѣ 1790 г. герцогъ (Карлъ-Августъ Веймарскій) на,
 значилъ ему посредническое содержаніе въ 200 залеровъ,
 и въ февралѣ онъ переселился въ Лоззю (Шарлотто).
 На 200 залеровъ въ годъ и на студенческій гонораръ,
 разумеется, не было возможности житьъ знаменитую
 головаху, и Шмиллеръ принужденъ былъ усиленно
 работать изъ-за денегъ. Лоззю, кромѣ обязательнаго
 для него курса, онъ читалъ еще курсъ, о зрѣлостіи,
 ради котораго внимательно изучилъ китайскіи Ари-
 стотеля; изъ этого курса вышло похвалою прусскаго
 очень важныя сраженія его. Несмотря на недосыпаніе
 въ средстве и на многочасовую работу, Шмиллеру
 шло въ это время замъ хорошо, какъ никогда
 прежде. Это было самое счастливое время въ жизни
 Шмиллера. Делать мнѣ прожилъ онъ въ Денк, и здѣсь
 любовь сурруги, рожденіе двухъ сыновей и двухъ
 дочерей, спокойное занятіе, обеспеченное сознаніе
 (замъ это онъ могъ купить себѣ домикъ и садъ въ
 окрестностяхъ Денк) — все успокоило поэта. X

Въ несчастіе, именно въ это время, съ 1791 года,
 стало измѣняться ему здоровье, никогда не бывшее
 особенно крепкимъ. Не смотря на это, онъ учъ,
 дилъ безпрерывно. Кромѣ лекцій, значащихъ при-
 готовленій, Шмиллеръ участвовалъ во многихъ
 литературныхъ предпріятіяхъ этого времени и т. д. Но
 все болше и болше онъ началъ чувствоватъ ослабленіе
 здоровья и особенно сраданіе грудного болѣзности, замъ
 это скоро, но слабости груди, онъ долгие былъ огра-

живить свои лекции одними privatissima. Шмиллера
 убивали себя чрезвычайностью зрѣда, несообразности
 его съ философскими силами и еще больше — безпорядкомъ
 своихъ записокъ. День Шмиллера посвященъ былъ обще,
 съвѣ друзей, прогулка, семейству, гетеману, ордену; съ
 насупленнымъ лицомъ отъ садился за работу, просиживалъ
 балъ до утра, для подкрепленія силъ пилъ шоколадъ,
 кофе, шампанское. Голова его горела, мысли кипѣли,
 и слабое зало скорало. Денесимомъ его затрудне-
 ній неосжданно потогли двѣ владѣтельскія осо-
 бы (серцовой Вуцценбургскій и графъ Фромъ Шмилль,
 мати), назначившій ему на три года пенсiю по 1000
 ралеровъ. По смерти Карла Евгения, герцога Вюртемберг-
 скаго, Шмиллеръ не могъ вернуться въ родину — Шлуз-
 гарр. Тюрингско, когда серцовой умеръ въ 1793 г., Шмил-
 леръ началъ возмозможетъ въ августѣ того же года
 исполнить свое давнишнее желанiе — посетитъ родину,
 изъ которой ъдѣталъ отъ 10 лѣтъ ^{доку} назадъ; отъ взялъ съ
 собою жену, котора въ Людвигсбургъ родила ему
 первого ребенка, и отправился въ Шлузгарр. Тогда
 зольско старикъ озецъ, со слезами радоези, обидѣлъ сво-
 его сына, уже знаменитого литератора. Противая
 на родинѣ (Шлузгарр, 1793 и 1794 г.), отъ работалъ надъ
 Валленштейномъ; во время поездки въ Мюдингеновъ,
 отъ напечатъ себе поединнаго, въ высшей степени
 объзательнаго и благожелательнаго издавалъ въ муръ
 книгопродавца Коури.

Вокоръ по возвращенiи, въ мае 1794 г. въ Жену,
 произошло важнѣйшее въ жизни поэта и въ умъ,
 съвенной жизни всей Германiи событiе — митингъ

Сближение Шмиллера и Тёре. По наружности, по образу
 мысли и образу жизни они представляли почти
 противоположности: Тёре была идеальной мужской
 красота, силки и здоровья; болтливый Шмиллер дер-
 мался, как верблюд, и казался чужим своему роду.
 Тёре работала ранними утроя со своего головного,
 Шмиллер по ночам, возбуждая себя табачными
 или крепкими кофе; Тёре не могла жить без свежего
 воздуха; Шмиллер дышала воздухом, пропитанным
 запахом мыльной яблочки, которой отчищала
 в письменном столе для облегчения дыхания. Тёре
 была вполне независима и обеспечена; Шмиллер и
 теперь часто нудился в деньгах на необходимое;
 Тёре не могла философии и пыталась сражаться по
 возможности науками; Шмиллер был космополит
 по натуре. Но у них было много общего: и зорь,
 и другая красота и красоту ставили выше похвалы,
 и служению зрелищу идеальности отдали все жизни своею;
 и зорь, и другая были справедливые, честные, высоко-
 нравственные люди, искренно влюбленные в прогресс
 и искренно любившие свой народ и все человечество.
 В это время их политический убеждения были близки,
 хотя когда нибудь преиде, как как Шмиллер, в по-
 лодости бывший революционером, теперь озвернулся
 от ужасов французской революции и с презри-
 нием озвернул дипломат, который прислала ему фран-
 цузская республика, адресовав его à Monsieur Gille,
 publiciste allemand, и зывала к немецкому обще-
 ству, призывая его отринуть от ужасов интереса
 для во имя всечеловеческого стремления к истине

И его звали звать, как Автора Раббойникова, который
 представлял для французской сцене под названием Robert
 chef des brigands.

и красоте.

Въ 1799 г. Шмиллеръ, окончательно освобожденный отъ своихъ профессорскихъ обязанностей, переехалъ въ Веймаръ, чтобы быть состоятельнымъ съ Теше. Съ декабря 1799 г. Шмиллеръ получалъ отъ герцога по 400 талеровъ въ годъ и иногда какъ разъ въ саботъ Веймаръ, вѣдѣ, съвѣе того его свиданія съ Теше стали чаще и имъ дружба еще крепче. Напрасно Коцебу, въ до время и позднѣе очень плодовитый и популярный писатель, пытался поссорить великихъ покровъ, возбудить въ Теше зависть къ славы Шмиллера; его недоброжелательныя усилія намъ на него еще голову. Шесть лѣтъ, проживая въ Шмиллеровъ въ Веймарѣ, были горестными для него. Неразлучный съ вдовствующей Теше, онъ былъ привязанъ въ домашній кругъ герцога. Въ 1802 г. Шмиллеръ получилъ отъ герцога должн. и дѣлалъ на дворномъ — дворняжескомъ до, сродномъ. Въ 1804 г., по окончаніи, Вильгельма Телля, онъ озлобился на время до того, что написалъ „Дмитрій Самозванецъ“ и съ женою и двумя сыновьями, жилъ въ Берлинѣ; онъ былъ привязанъ тамъ, какъ прежде лучше, и имѣлъ удовольствіе видѣть свои пьесы при блестящей обстановкѣ берлинскаго театра. Тѣмъ не менѣе королева Луиза, прусское правительств. предло, шло ему 3000 талеровъ пенсій и придворный зван., на томъ, если онъ оставитъ на мѣстѣ въ Берлинѣ; но Шмиллеръ, несмотря на то, что его денежныя дѣла ни, какъ не могли назваться блестящими, отказался про. звать такую недобродарную пенсійу герцогу веймарскому, и до въ увеличилъ его пенсійу до 800 талеровъ въ годъ. По возвращеніи Шмиллера въ Веймаръ, здоровье

его оказалось очень плохо; вся жизнь прошла в непрерывных почти сражениях, и только немногие часы ночь он посвящает магазину работы.

Он с жаром прикинул за Дикинзид. Несмотря на болотоуменное припадки и осмидание смерти, при, ближение которой он хорошо знает, поэту неужоки, но занимался своими новыми произведениями, но не успевать его окончить. Смерть пришла раньше, чем он думал, и остановила его на половине работы. Наступила весна; он погубившая видимое облегчение; ему сразу заболело путешествие, и он решил, съехать в Швейцарию. Но злокачественная лихорадка быстро била его в гробу и превратилась, наконец, в горячку. Шмилер мшился наизусть, бредил, говорил о своей новой трагедии; но в последние часы жизни наизусть возвратилась к нему, он узнал всех окружающих его, били жить, спокоено, говорили о жизни за гробом, просили похоронить его прямо, 9-го мая 1805 года его уже не стало. Он умер на сорок шестом году. Обычай печаль сопровождала кончину Шмилера. Оплакивали поэта и человека. Театр веймарский был закрыт. Музеи дали траур. Смерть Шмилера произвела сильное впечатление во всей Европе. Вся Германия погубившая эхо ударя, каждый погубившая все великое поэты, но всего сильное, что он создал на ^{Теге} великом соперника Шмилера.

Трудно найти двух современников и современников писателей, ранняя молодость которых прошла бы при столь несладких условиях, как молодость Шмилера и Теге. Судить впрямь при полноте мажоральности

доблестями, во вальномъ городѣ, въ дѣлѣ свободнаго
 гражданства, связанными близкими радостями съ выборъ,
 новыми правительственными оузами; другой — въ домѣ бѣднаго
 офицера, все благосердѣніе козорого завистало отъ
 каприза неопытнаго началства. Одинъ видѣлъ
 только радость, другой — только суровость; одинъ бѣлъ
 собственнѣ незнакомъ съ школьной дисциплиной,
 другой до 21 года наводился подъ сапогъ суровой фе-
 рулы (розгой); одинъ уже съ 16 лѣтъ, при наилучшихъ
 условіяхъ, пользовался справедливо прославленною
 въ Германіи академической свободой, другой не имѣлъ
 и не помышля о студенческой жизни, козорою наемъ,
 удалась сыновья бѣднѣйшими пасторомъ и школь-
 нымъ учителемъ. Одинъ возмалъ въ оузахъ съ прекрас-
 нымъ образованіемъ, съ дипломомъ, съ полнымъ ко-
 мандиромъ, съ обширными связями, съ правомъ въ,
 бракъ съ дворянкою, козорою же пригляднелъ, и даже
 съ возмоществомъ обшрелъ бѣду бѣднаго правительскаго
 дѣла; другой нѣ подъ козорою ферулы понадаелъ
 надъ ферулу военнаго начальства, съ грошевыми зна-
 чаніями, на казорое существованіе нѣльзя, въ долговъ,
 козорою, безусловно анципациною. Мудрено-ли, что и
 позднѣе дороги ихъ расходятся еще дальше?

Творческую дѣятельность Шмиллера всего удобнее
 раздѣлить на три неравные части: 1) съ ранними ли-
 тературными замѣтками, съ 1776 — 1785 гг., т. е. до его приго-
 зовленій къ профессурѣ, 2) его научная дѣятельность,
 съ 1785 — 1794, т. е. до сближеній съ Тѣзе, и 3) сочинительная
 работа съ Тѣзе до смерти Шмиллера, съ 1794 — 1805 гг.
 Подъ литературнаго-духовнаго развитія Шмиллера можно

также разделимъ на три главные периода: 1, периода юности, необузданной фантазии, 2, периода философа, скучны образованья и обузданной фантазии и 3, периода возвышеннаго нравственнаго утверждения или образа мыслей.

II периодъ, молодое Шиллера (1759-1785),

и съ одушевленными
прожить искусство поэтическую
сочинений, какъ то: Мессиаду
Калонптока, Тяца Тере,
Уголино Терезендера,
Юлия Марензесаго,
завица, Книжеский
склянь Шубарга и
др. отъ

или: съ ранимъ изгнанными захаровъ до
призоблений въ профессуре (1776-1785).
Отец рано, еще въ Карловой школе Шиллера ^{и др.} Жанко

началь писатъ сужби, отъ началъ еще съ 1776г., когда профес.
сортъ „Академии“ Тауръ полнотелна въ своемъ журналы
(Schwäbisch. Magazin) его оду: Вечера (Der Abend) съ под,
и съ закнмъ замкнатиель оъ редакции:
видно, что авторъ уже казалъ стороннмъ авторова и
это отъ приобродежь со временемъ отъ магна сонатории.
Счалю-бытъ, первые опыты Шиллера въ поэзи были
лирическия, напр., Дрозодубница (Die Finkenwälderin),
Набра у Фрогземано (Lawa um Frowiano) и др., закъмъ
отъ перешелъ къ драмѣ, придавая идеальному харак,
зеру ея днелъзвонущи мнѣ свои благородной оуу,
мечид, свое негодование прозубъ порокова и сладъ
оуей келовансехва, свои идеи оъ чеовершестубовани
млодей. Это соеядниѣ ума и сердца Шиллера оурази,
моеб въ его первой драмѣ, Разбойника, наказой
еще въ 1777 г., а Бомбика гаетъ козороу была написа,
на въ зечениѣ 1780 года, посреди зъсвѣти прендзрзвѣи,
позоу-что авторъ хотъ посвѣзаетъ еи золько келько,
гид мнотубы, оуидзвѣд у она и закъдѣи академиксе,
скучки уроками. Не разъ отъ призворилъ Бомбикимъ

+1. Der Student von
Nassau (Нассауский
студентъ) и Cosmus
von Medici (Козма
де-Медичи) - по од,
разуу Юлия Маренз.
скаю Лейзавица. Но
эти оба отъ отъ
умнотубимъ и блн,
оу зою подъ влодъ
великолннное збо.
рениѣ его молодоси
- „Разбойника“.

И Мессиада его закъ сильно заинтересовала, это отъ наикрвалася
писатъ поэзи, героинѣ козороу долженъ былъ бытъ Моисей. Однако
золько-что умнотубимъ поэзи, а и Максимъ, съ козороимъ отъ ознако,
миледъ ивъ перевѣдѣе Виланда, указали его залару на драму. Сначала
Шиллеръ писалъ разныя трагед. Отъ началъ писатъ два зрѣдѣи, а икъ

для того, чтобы доехать своимъ въ своего маленькую кочку,
назку; но Лиззексэ эта была озорница. Въ наказаніе
его завалили работою, козоручо она долетела конюшаръ
прежде, чѣмъ идти въ классы. Однажды самъ герцогъ
завѣ неожиданно вошелъ въ конюшарку Шмиллера,
что зорухъ едва успѣлъ бросить подъ сеномъ и вѣнчанъ.
ныне листы бумаги и на первое нѣтъ положилъ меди.

Цинский гезтрадски: ^{цинизиал} циницидрава
„Die Räuber“ (^{цинизиал} Разбойники). Учене въ 1777 г. Шмиллеръ,
надъ видѣніемъ протомковъ нѣтъ конюшарки нѣтъ
драмы бурного періода, «Влія Маренукало» Лейзевица,
„Уронико“ Борзенбергера, „Тѣца“ ф. Бернхемсена „Тѣца
и первыя произведенія Клингера, задумала написать
эту драму, сюжетъ для которой нашла въ одной газетѣ,
гдѣ, рассказывавшей трагическую историю двухъ братьевъ,
диаметрально противоположныхъ по натурѣ. Въ
1779 г. она обработала драму, въ 1781 г. она окончилась,
но обработала свою драму и издала (на соборенный
сценъ, не найдя издателя. Тогда сценарій (1782) Далбертъ
предложилъ ему передумать ее для ^{заключен} сцены и въ томъ
же году „Разбойники“ были даны съ большими успехъ,
хоть. Огва-ли надо замѣтить, что „Разбойники“ — про-
дуктъ періода бури и нариска. Пылкія выкладки автора
прозрѣвъ обществу ишли въ то время всего прелесть по-
вызны; зенаръ бы наладилъ въ нѣтъ много негръ.
лаго, превеликаго, зорухъ и удивляемая сила, ка-
кой учене не продвѣдлн болше Шмиллера въ послѣд-
дуронимъ своихъ произведеній. Трогательное нѣтъ
этой драмы; ублеказенская сила сценарія; дикая Эмер-
гидъ диалоговъ, искусство въ составленіи самаго плана

и книгопродавецъ Шванъ, въ написаніи,

драгедін, полной двисменів; поразительная сцена въ лесу, при свѣтѣ луны, вблизи сарая подземелья, откуда вырывается вопль сараника оуца, приведеннаго въ ораданіе, — все это еще и реперс дѣлаесть. Разбойники въ замѣтательнѣе произведеніе; но драма привела въ усмѣхъ маленскій герцогства Германіи. Шиллеръ удивляеть глубокое внезапное, которое долонна была произвеси его пѣса. „Книга, которую я пишу, говоритъ отъ, будещъ, коумеръ бѣхъ, соотвѣсна ружого палака“. И это предсказаніе часрго оправда, лост: на „Разбойниковъ“ смозрѣли, какъ на дерзкую и непозволительную выходку прохивъ правевенности, говоримъ, будзо молодой, богатый и образованный дво, рѣшитель, увидѣ драму, дѣлался разбойникомъ и, внослѣдствіи, погидѣ на эшафотѣ. Молодѣсь бредима Карлаво коровѣ-героевъ пѣса; внезапное было факъ сильно, что въ универзитетѣ и училищахъ создавалъ мѣст драгсва освободителей челоовчсва, и клдлѣсь преслѣдовать злодѣйство и несправдлѣ, воегѣ. Но репрограды произносили мнѣ Шиллера съ негодованіемъ. Послѣдовала формальная жалоба оуъ шиллерѣ Траудингена, которые нашли обиднымъ, что въ драмѣ названъ мнѣ городъ „Аоннами монтениковъ“. Напрасно поэръ оправдывался, что это говорѣть разбойникъ и что схранно судданіа, влага, смивъ въ чуха сценическѣ злодѣевъ, погизахъ его сод, озвѣтѣнѣе вротаніемъ.

Драма „Разбойники“ и до сѣхъ поръ дерзидѣ на вѣсѣхъ европейскѣхъ сценахъ, и педоезакѣ, свойсвѣн, пѣса каждому поточески незрѣлому произвѣденію,

никому не инстинктивно видна поражающая сила и оду-
 шевляющая зрелищность. „Разбойники“ во Германии заво-
 няют лучшие дни первого года французской револю-
 ции: немецкий гений или унаследованно привнеси
 востановил классов, или взяла немецкую Баэри,
 или франкогерманской ограниченности, или вздохнула
 силу и вступила в себя в много-миллионный даровитый
 народ. Популярность драмы и ее характера ее характеров
 и идеи издвигают меня от необходимости предлагать
 больше подробный разбор ее. Я, м. г., обращаю ваше
 внимание только еще на одну ее точку, которая
 часто оказывается в пренебрежении и которой осо-
 бенно важно для уяснения связи между Шмиллером
 и Тэзе с одной стороны, а с другой — всей эпохой и
 с поэзией новейшего времени. Самое совершенное
 и зрелое произведение Тэзе — Трагедия и комическая
 драма Шмиллера слоддур в возвышении и упадке,
 сии и самопожертвования; Трагедия только тогда может
 сказать многолетно: «счастье!» «ты зато прекрасно!»
 когда шизнь его, неминуемая ему самому, счастьем
 полезной для других; Карла Коопер, похоронив на-
 дежду на много счастья и собирает ордак себя в
 руки правосудия, вспоминает о бедняке, селство ко-
 зорато отъ может ослабевать, если она получит
 награду за его голову, и идея искаж этого бедняка.
 Шмиллер в „Разбойниках“, как Виктор Того, как
 и Дюхеновский, сходя за „униженства и оскорблен-
 ность“, призывает „милость ко надтиль“, и срыва-
 ет маску с приличного, самодовольного мизан-
 тра и злодея. Все до, что в бурный период не

лено носилось въ умъ и французіи помысловъ, въ герое
„Разбойниковъ“ - Карла Моора нашла себя юнцомъ еси
столькое, гениальное выражение.

Легко себя представлять, каковы были воеводы муршей
газетъ публики, въ первый разъ видѣвшей псеудъ „Раз-
бойники“ послѣ французскихъ слезливыхъ мило-
драмъ и сценъ риторическихъ трагедій. Воеводы
одной газетъ публики, естественнѣе, вазывали погоду,
ваніе другой, и авторы „Разбойниковъ“, въ герое
Карла Моора, въ одно и то же время сража и доломъ
молодежи и пугаломъ озмившимъ, но саподовомъ,
нашъ сарисковъ.

Около того же времени помысловъ въ газетѣ проксе,
сора Абелъ, Вюртембергскій „Индераурный Петерорій“
Шмиллерови сарки: „О современномъ концевомъ газетѣ“,
„Прогулка подъ липами“, „Великодушный похуноскъ
къ повѣстной пехоріи“ и московско рецензіи! Тогда
же издавалъ Шмиллеръ своего „Англологиса“ (1781-1782). Съ
рызкой и орадорской манерой сарика, съ болышми
запасомъ громкихъ словъ, смѣльныхъ контрастовъ, пре-
увеличенными представленими оны изображала въ вели-
копечномъ пролетѣ своихъ юнцомъ еси сарисковъ,
рении Могила и Смерть, Бизбу и Казнь, Гульну и Адъ,
дурниды Монарховъ и Руссо — о послѣднемъ похъ оны:

Конументъ, возникшии зломъ укоромъ
Нашимъ дидомъ и французіи позоромъ,
Троби Руссо, склоняется предъ тобой! —
Миръ редъ, мудрецъ, умъ безмластой!
Мира ^{бы} Синзюи зы искалъ напрасно:
Миръ нашель зы, но въ земль сарой.

1) Учене раньше перевелъ оны Исгориса Америка Робертсона (Ro-
bertson's Gephyra von Amerika, Leipz. 1777).

Избы мира вникать не забывали:

Везарь бился праком — и мудрости убивали,

Минне-свогъ, а меньше из палатей?

Павль сократи оръ руки невоздъ суровости,

Павль Руссо — по оръ радости Крисзовенки,

За порывы — создашь изъ нити людей. (Л. Кей).

Далше, Шиллера замъ — въ антропологии — изобразилъ:

добродытели римляне и прощание Текзора, а именно:

Андромаша: Для чего суремилъ Текзора къ богу,

Тотъ Ахилль безжалостной рукою

За Паррокла грозно между врагами?

Если Оркъ упрямый насъ разлучилъ,

Кто малозку злого научилъ

Дрогъ мезарь и угрождарь богамъ?

Текзоръ: Слезы не лей, сурруга дорогая!

Въ поле битвы пивы свой укремилъ,

Дрой дланью я храню Пергамъ.

За боговъ свиденную обиделъ

Я паду и — родити спасилъ —

Озойду къ Сизигисиль Бергамъ.

Андромаша: Не гремятъ звоны госпыхалъ болта:

Тосавей нехъ звой пропелнугъ въ невалта,

И Триама оскуднегъ кровъ:

Въ область прака за соидеи оуныи,

Тотъ Коцигъ слезилъ по пусрени...

Канеги въ леу Текзора любовь!

Текзоръ: Вес мой твиль, весь мысли и суремленъ

Я залюбо волной реки задвенъ,

Но не пламенники любви...

Ту! дикарь у ерговъ уонь кличегъ къ богу:

Дай мои мечъ и не зомилъ зоского —

Леза нугъ для Текзора любви. (Л. Кей).

Оно изображало отчаяние любви и одушевление дружбы, силу звуков и безконечность мира. Одна вторженбергская военная пьеса на графа Эбергарда Фрейхера напоминала патристический стихотворения, которых писали во (словах) ладь Прусский гетмана (Тейль). Только изрядка звучали у Шиллера больше известные аккорды. Это поэтически образцами были Таллера, Клоппшток и Бюргер. Руссо были философы, ко. Зорому оно следовало во это время.

Die Aufführung des Fiesco zu Venedig, im Verhulde, im
 1783 (Заговор Фиско, 1783 г.) — трагедия —
 продукт периода бурь и нашествия. Какъ уже знаешь, Шиллеръ изъ Штутгарта прибавъ въ Мангеймъ руко, писъ этой своей новой трагедии. Всею себѣ отдавалъ оно увлекавшей его идее, и следствиемъ такого безоглядного остремления были разочарование, уныние, упадокъ духа. Это возмущенной радости переходило оно къ грусти, даме къ отчаянию. То бросался къ молодости, какъ къ брадьямъ, то, разочарованный, слезъ, рвалъ на нить, какъ на чудовищъ Гюльда, радовъ су, ерви и въ пресмыкатель покровительствъ находилъ при, жвстизацией ума, угнетателей вѣдкого свободного порыва. Но разнородны людей никогда не могла тламентная натура Шиллера.

Музыкантъ Штутгартца, зоръ савый другъ поэта, съ которыми ^{тѣмъ} ~~онъ~~ ^{онъ} ~~убѣждалъ~~ ^{убѣждалъ} ~~тѣ~~ ^{тѣ} Штутгарта, предупредилъ министра мангеймскаго театра, что Шиллеръ прибавъ съ собою драму, которая далеко превосходитъ „Разбойниковъ“. Назначили день для чтенія „Фиско“, въ присутствіи означенныхъ ар.

зисрово дружна; но первый акръ былъ прослушанъ безъ
 малейшаго знака одобренія. Шиллеръ, видя, какое дѣй-
 ствіе произвело на слушателей его зтеніе, въ озкадній
 убѣжалъ домой, отдавъ манускриптъ своей драмы редак-
 сіру газетъ. На другой день сказали Шурейхеру: „Фріеско“
 гораздо лучше для сцены, чѣмъ „Разбойники“. Но вашъ
 другъ декламируетъ такъ опасно, его швабскій акцентъ
 такъ нескоро, что вчера никто не могъ дослушать
 пьесы до конца. Онъ поѣхъ весь роликъ на одного ладѣ.“
 Въ это же время до поэта дошло извѣстіе, что его хо-
 дить захватили въ мангеймѣ. Шиллеръ рѣшился
 отправиться въ Франкфуртъ. Шурейхеръ не оставилъ
 своего друга въ этой крайности: онъ написалъ къ своей
 матери, прося въслать ему зридцать флориновъ и из-
 манниси пустился въ дорогу. Пути были долгою, а
 Шиллеръ не привыкъ къ ходьбѣ. Доидя до небольшого
 мѣста, онъ сказалъ другу, что хочетъ немного заснуть,
 потому что не имѣетъ силъ дойти до Франкфурта. Онъ
 легъ на землю и заснулъ подъ зрѣнью дерева, между
 зѣвья какъ Шурейхеръ, сидя рядомъ, зрусно глядѣлъ
 на изомлѣнное лицо своего друга — бѣднаго, гонимаго
 судьбой, изомощеннаго незалостью. А ззотъ несчастливый
 былъ однимъ изъ величайшихъ поэтовъ, слава Германіи
 и селовогорьва! Отправясь въ Франкфуртъ, гдѣ зизне очень
 дорога, было невозможно. Зрузья избрали своимъ
 пребиваніемъ мѣстечко Оггергеймъ. Тамъ, зивя
 въ глубочайшемъ зеднечіи, Шиллеръ исправилъ „Фріеско“
 и написалъ пьесу „Коварство и любовь“, работа большаго
 газета поэты. Эта прививка впоследствии здѣлалась
 для него необходимымъ и много спосодубовала раз.

сройезку его здоровья.

„Kavalier und Liebe, ein bürgerliches Trauerspiel“ (Коварство и любовь, мюнхенская трагедия 1784 г.) была в Мюльхаузене, во время 14-дневного ареста, Шмиллера задумана. План ее почти, названной первоначально „Luise Millerin“. Как бы вы уже знаете, Шмиллер просил 7 человек из своей деревенской-Оперенгеймской, обрабатывая план этой своей трагедии, которая впоследствии получила название: „Коварство и любовь“, и переименовая „Фриеско“. Разсказываясь с Мюльхаузеном, Шмиллер позвал приехать угоднице, которая предложила ему г-на Вольфгоген в качестве редактора, близ Веймарена. Там же поэт провел не только несколько счастливых дней, но и окончил свою драму „Коварство и любовь“. Угодившись, что герцога Вюртембергский не намерен преследовать своего бывшего педика, фронд-Дальберга ^{ученик (1783)} пригласил Шмиллера наконец в театральный поэт. В Январе 1784 г. была поставлена „Заговор Фриеско“, а в марте — „Коварство и любовь“. Первое представление этой драмы „Коварство и любовь“ привело публику в восторг. Шмиллер был в театре. Второй акт был сыгран с таким жаром, что публика безала и привозговала автора зрелищно рукоплесканий. Глубоко тронутый, Шмиллер, налезное привозгование публики, озвучивать поклонников. Германское литературное общество избрало Шмиллера в свои члены, а герцога Веймарский дал ему звание советника. Это звание не приносило Шмиллеру никаких доходов, но давало известное место в обществе. „Коварство и любовь“ имеет связь с „Диллией“

Галоген" Лессинга, но прозвучавшая в последней драма Шмиллера представляла вазанный шаг вперед: обличил, желтая поэзия сбросила маску и, изобразившая некое, неуживчивое приращение и иль дворы, уже не обманывала, есть цензуры и друзей изъяснительными терминами и ознакомились, вельдевые того неаса камереяго, раздо реальное и сильное. Далее: в драме Шмиллера больше сердечности и задушевности, так как в ней значимый любовники мотыжанки - не безсердечный эгоист, а доброй, симпатичный юноша, сражающийся и интуицией смерзвого дираммии оуца, козарало дурь же на сцене поэтинея казнь. Даже сама на, енная любовница государя оказывается человечкой, сь вникающей душой и резкими идеалами. Правда, за ро драмедия Лессинга показывается большую сцену наблюдательности и больше вызывает на размышления; но публика хотела в театре не думать, а кувертовать и жить. Успех драмы Шмиллера превзошел ожидания поэта. X

Как долго Шмиллера ни ждали, как бы тяжело ни боролся, как низко ни склонился, пока луч счастья коснулся его тела, в его душе охватилось нечто непрочное, что ивило крылья и уверенно его вознесло. Из бурного юноши выскочил зверовый мушкетер. Сначала издали, потом все ближе связанной с Теде, охъ темь по его слобдамъ. Движение, которое вызвала "Теде фронт. Берлинские", увлекло его с собой. Но с самого начала его основное настроение было другое. Теде коренился в идиллии, Шмиллера - в сатурне. Теде снова нашел свои идеалы в действительности,

Шиллеру нравились двайсбургленское с идеалами и на-
 шелье ее елишкони мелкой. Двайсбургленское, чув,
 сзвенный мир, обикновенное, будничное, низменная
 проза, то, что Теге называли das Gemeine: Шиллеру
 издавна сзаралея надъ эрива подмьрся, и подбодмь
 эго. Эго юкономескй пьесе были сазурисескй. Пес,
 публиканескй идеалы въ „Разбойникахъ“, въ „Заго-
 боръ Фриеско“, въ „Коварство и любовь“, высзунали
 прозивъ зоддашнмь условий нмьнецкой эмигри,
 которй его окружали, прозивъ деснозизма и при-
 зьенесий. Возвышенное отъ сзаралея затеказмь
 въ грандиознмь кардиналь. Но мь въ владеть мрар,
 нмь несилмь. Сзрмленй его сзрдца возсзавали
 прозивъ повеловий долга. „Nach ich war in Arkadien
 geboren“, восклицаетъ отъ, „doch Thämen gab der
 Kunde Lenz mir nie“ (М я родмь въ Аркади, но
 Корозка вьсна дала мь зольско слези). Дмь него
 озьветь мь эмигри: отъ никого не знаеть о бл,
 энесьвет, ни въ своей молодоези, ни въ поздней,
 мь эмигри. X

II. и периодъ. Научная двайсбургленское
Шиллера (1785-1794) до сближенйя съ Теге.

Какъ Теге мь несилмь „Веррера“ дошелъ до отъ,
 филмезическй гуманноези „Ирригенй“, какъ и для
 Шиллера пришло время освобожденйя и омиженйя. Мь
 Канейма отъ отправмь въ Лейпцигъ въ апрель 1785 г.
 Эмь въ обьязанъ дружба мь освобожденъ образъ
 мьра. Мь зорнесьветующй души отъ мь мь
 въ радоези (das Land um die Fräule 1785 г.): радоези
 гонмь колёса великихъ пасовъ мьра; вь мь

У Такъ отъ поеть въ своей эмиговоренйи — элегий:
 „Resignation“ (Озказъ) въ 1785 г.

становятся друзьями, где всегда ея мягкое крыло:

Возврат, зы искра небеса! зы божественна,
Дочь Влиссейкины поны!

Мы упоенные, вводимы зорким зрением
Въ область свѣтлыми звои.

Все, что разрознено свѣта да хамбелми,
Въяснит зы бразерва узломъ;

Многи заны бразерв, где зы надъ созданными
Легкими повсемъ крыломъ.

Хоръ: Ветви просерзвѣдъ обиды —
Многи, ветви подзаемъ васъ!
Тамъ, надъ звѣздными сводами, бразерв,
Долженъ быть оуецъ у насъ!

„Sind im Pflichten millionen?“ — миллионны людей про,
серзвѣдъ обиды! На поэза какъ бы стигмоило вѣсо,
кое оукровение: всеобщая любовь къ людямъ! Тер,
тѣмъ и примирание! Оуецъ надъ звѣздными небомъ!...

Шиллеръ созавилъ себѣ миссионерскую философию, козо,
радъ была вѣд поурона на поидзѣи любви. Безъ вѣры
въ безкорыстную любовь многу надежды на Бога, на без,
смертѣ и добродѣтель! Божь созавилъ миръ дѣловъ по
любви, любовь есѣ миссионеръ, по козорой мы подни,
маишь до подобѣ божия. Умереть за друга, умереть
за человечество, это, камедь, высшая доказательство
любви, козорой себѣ предзавидеть поэза.

Въ Лейпцигѣ, какъ мы знаемъ, Шиллеръ влюбилъ въ Лауру,
въ дочь книгопродавца Швана, и посвадался на ней, по
получилъ оуъ ея оуца оуказъ! Поэтомъ Шиллеръ нами,
самъ одну изъ самыхъ грогательныхъ длези. Оуказъ (Resig-
nation), где оуъ именно, козиду прочилъ, поэза: „U z ro,

1) Кдо Шванъ полагалъ, что Шиллеръ, обремененной долгами и
неимѣющей прочнаго положенія въ обществѣ, не годился въ мужья
его дочери.

дился в Аркадию, но королевая вестия дала много знать,
ко влезти? Для него, какъ разъ, оживились зорь май
жизни. Все-таки Шмиллеръ и Лаура навсегда остались
искренними друзьями. Изъ Лейпцига поэтъ переехалъ
къ другу своему Кёрнеру, въ деревушку Ломвицъ,
въ окрестностяхъ Дрездена. Умивъ и великодушный
Кёрнеръ охотно цезромъ дала поэтъ и, несмотря
на ^{чуждымъ} ~~одеянь~~ ^{подать} ~~свое~~
на ^{предвѣщаніе} ~~его~~ въ Лейпцигъ и Дрезденъ
Шмиллеръ всегда вспоминалъ, какъ о счастливѣйшемъ
подать своей молодости. ✕

*) Трипуренный
геловъ колотоуцъ

Don Carlos, Infant von Spanien, ein dram. Gedicht. 1783.
(Der verschönte Menschenfreund), Fragment). Визе въ Бауэръ,
Балтъ, въ шпанин доброй даны, фрау ф. Вонъизогенъ,
въ мартъ 1783г. Шмиллеръ привиделъ за „Донъ Карлоса“,
для котораго ему понадобилось много времени и пре-
дварительныхъ работъ по цезромъ, впоследствии при-
годившихся ему для „Ознаменій Нидерландовъ“. Это
первая пьеса Шмиллера, написанная срилами. Какъ
ли уже знаемъ, Шарлоза ф. Калдъ дозавила поэтъ уже
въ то время случай прочесть при дармиградскомъ дворѣ
ли актъ этой драмы. Въ Ломвицъ, въ домъ Кёрнера
въ саду у Влсбъ, близъ Дрездена, Шмиллеръ окончилъ
„Донъ Карлоса“ въ 1787г. Въ то время „Донъ Карлосъ“
приобреталъ ту форму, въ которой познакомилъ съ
нимъ публики. Заглавный герой пьесы и его сфрасть
къ махилью, зметъ Фрилинна II, погрядли шилоскъ
поэтъ, и на первый планъ выступилъ маркиза
Пола, носилъ либеральныя идеи, который приго-
силъ себя въ смерть своему другу Карлосу. И когда
онъ сралъ на первомъ планъ, зрагедія перемѣнила

свои характеры. Если предиде озець и соны еродли
врасидебно одити прозивъ другого и низкие интри,
газды езаралмет раздуръ и др. врасиду, предидеэзубоваѣ
прикирениго, зо зенерь вымыселъ ерало зомбине и
оэзроумные: одити друаъ еъ наилучшимъ наитере,
ниель предидеэрепаеръ озе друа, у Карлоса возни,
каеръ подозрение къ маркизу и изъ эзого происдо,
дуръ ибелъ обонель.

Въ ^{зрэдиди} „Донъ Карлосъ“, въ первый разъ, поразмаеръ
за сосредоточенноеръ чубеѣвъ, козорую выучило поэзу
изучение естада, незорий и философий. Читанъ неесеы
космополиэическая и ^{инфраэуръ} „Донъ Карлосъ“ цезумаеръ мѣеро
величезвенной и блезаэельно оствощенной еригуеръ
маркиза Поэа. Ритозеро езраэеръ и приэворивель ии,
зривъ, абзоръ вывелъ на ецену Борбу десноэизива еъ
дуэобель независимозеръ. Поэа огаровиваеръ тламетъ,
ниель краснокорюиель, безиредтелельнелъ энэуэизаэ,
ионель, величель и Благородельнелъ чубеѣвъ. Какъ
въ Карлосъ Мооръ, Фресско и Фрэфтландъ, закъ и въ
маркизе Поэа виданъ Шмиллеръ-вонома, спокойный
философъ, но собративший глудокую чубеэвизельноеръ,
зеплозу сердца, тламетъ вообразенелья, симпативо
къ Благородельнелъ идеель. Въ драмъ „Don Carlos“ одинъ
характеръ очерленъ вѣрнее прочидъ — эзо характеръ
Филиппа. Согласно еъ незорией, Шмиллеръ придалъ
Филиппу сердце болладное, франэуэическую надозитноеръ,
гордоеръ, незнаюую предтелель, и непомырельно вна,
еэоллобье. Филиппъ не лиметъ совершенно чубеэва
совезеръ, звердо дерашуя пондэий, козорый созавилъ
и добръ и зилъ; отъ эисезоель по природи и еиэаеръ

позволимъ бытъ и въ средѣ, когда дѣло идетъ о
 распространеніи соблазна величія и могущества
 инквизиціи. Свои и характеръ отчужденнаго отъ
 него жены и сына; привычка наблюдать людей
 научаетъ его не доверять прошениямъ и мольбамъ.
 Ясно, что законъ чуждымъ легко можетъ быть зрима
 на мнѣніе пылкимъ красноречивымъ маркиза Позы:
 онъ можетъ увлечься надеждою найтти въ этомъ коло-
 добѣ энтузіазма подпорку, которая ему не изрывется,
 наперсника, который иногда можетъ повторить свои же,
 воли, свои подозрѣнія и глубокую горечь сердца. Поза
 не знаетъ самолюбива монарха, дѣлая его повтореніемъ
 своихъ великодушныхъ мечтаній. Минутная власть,
 которую беретъ Поза надъ Филиппомъ, весьма естественна,
 на — и Шиллеръ схватилъ ее чрезвычайно вѣрно. Ни
 одно изъ драматическихъ произведеній XVIII столѣтія
 не представляетъ сцена, болѣе угрожающаго, болѣе
 поражающаго, чѣмъ сцена свиданія Позы съ Филиппомъ,
 по въ и сцена въ пятомъ актѣ, гдѣ великій инкви-
 зиторъ, сильней, согбенный годами, вдругъ, подобно
 привидѣнію, являясь посреди мучъ, полныхъ книги,
 среди жидкой придворной, зрѣющаго отъ страха,
 и монарха, властвуетъ судьбѣ почти цѣлой Европы,
 преклоняетъ самодержавную голову передъ зримымъ
 предзавѣселемъ судьбы. Если раньше преобладали
 натурализмъ сатирика, то теперь Шиллеръ схватилъ
 облагородилъ свой сюжетъ, вознесъ индивидуальное
 и поэтическое до общаго и осуществилъ вѣнечный идеалъ
 совершенства, который онъ носилъ въ душѣ. Онъ едетъ,
 малъ жоръ же переходъ въ идеализирующую некую.

сзбу, какъ Тере въ "Историчии". Она выскркнула дикія и многословныя ррчи прозвѣ дукловенецва, которыя она сначала влошмилъ въ чеза своему Карлосу-инфанцу, и затомъ ивъ ковевной и ррчи балтые дндѣрви, зельной помелникай. Она вообщее оставилъ рерориче, скупо матеру, она пользовался балтые коррозкишки сбра, замки и балтые ррчкини оборозаки, которые несомн, тннно происходили изъ школы Лессинга.

"Названъ мудрый" Лессинга, "Историчия" Тере и "Домъ Карлоса" Шиллера, это первый значительный начала пьщевской трагедии въ ямбахъ. Когда подвмилась первая изъ зрѣль пьщев, ^(Зрѣль) возникла взора; и почти въ одно время подвмилась на сцзгу взора и зрѣрь. Весь зри слушать идеалу гуманности и зернивости. Во вѣтъ зрѣрь выдвзрся сцена, гдѣ король, султанъ, неограничен, ный властелинъ слышитъ голоса правды и не можетъ ему прозвѣдѣ. Теревакая сцена сзойръ пьщевско въ ссоронъ оу друишь: когда принца рѣшаеь сказаръ правду царю завровъ, она зрѣько завершаеь зрѣльморъ челоночности надъ инсезокими сердцами варваровъ, козрый она давно приловвила. Но между сценой, "Наза, на", гдѣ мудрый еврей призываеь султанъ, и зрѣь сценой, гдѣ маркизъ Поа зрѣраеь сердце испанскаго дес, коза, сущесрвцаеь и вышмная сзвзъ. Трѣзь способъ, какимъ Фрилинъ обрацаеь внимание на Поа, но, колочъ призываного передъ ррчиимъ зельнымъ ррзговоромъ, самый ходъ діалога напоминаеь образцу у Лессинга. Но одѣь сцены и одѣь идеальныя фигуры, которыя въ пьщѣ высунутоу, относяеь другъ къ другу, какъ возрасъ ивъ авзоровъ. Когда Лессинга

издать „Назана Мудрало“, ему было предсказано смерть; но когда Шмиллеръ издалъ „Домъ Карлова“, ему было лишь 29. Хотя сомнительно, что у Лессинга событія гораздо правдоподобнее. Хотя сомнительно, что зрелый златокъ людей, Назана, сродни выше метафизическому понятию Поэты. Здесь и тамъ зрелъ поэта направляется про, зрелъ религиознаго насмѣя. Но „Назана Мудрый“ зрелъ, гаетъ Саладина, указывая ему на его соблазнительныя лугины стороны, ставя на идеалы, козорове змвы и въ его зрелой; Поэта зрелуетъ оу ученика великаго инквизицора свободы мысли, зрелуетъ оу сына Карла V такою государству, гдетъ законы давала бы не воль одного человека и гдетъ црелю пресудла было бы чело, вогеское счастье. Шмиллеръ создалъ изображение „гордое змуна передъ зронами королей“, какой оны зрел зрел, добавль въ „Тюенко къ радоези“. На на зрел джисзубо, валь шенно незрелый выиселль; неодолима она леснала шенно въ психологическую и поэтическую ошибку.

Но какъ или иначе, „Домъ Карлова“ все-таки самое совершенное выражение молодого гения Шмиллера. Это произошло и бродило, какъ молодое вино, въ „Разбойни“, какъ, зенерь установленое и омерзшое, не погерьдво ни крепоези своей, ни ароважа. Маркизь Поэта на, зрелко зне выше Карла Моора, маскальско братель гудые Вергера; какъ бы ни унижали оубъ крайни парзии „либерализмъ“ и „либераловъ“, последнимъ сродни зрелко вспомянуть о своемъ высокомъ идеаль въ драгедии Шмиллера, гудое сльзъ все позора и все грядъ, козо, рои зне зрелко поколочнии паккаторъ нль враги и

искушенные друзья. Какъ Теге въ „Ирменин“, такъ Шмилль въ „Донъ Карлосъ“ ознакомились съ частнымъ и национальнымъ, чтобы возвысился до общаго и всечело-веческаго. Какъ Теге въ „Ирменинъ въ Тавриду“ обла-гораживается дикаго есида, такъ и Шмилль въ „Донъ Карлосъ“ открываетъ лучшій стороны чело-веческой природы и благороднѣйшій альтруистическій двише-ній въ души ограниченнаго француза; но Теге до-ходитъ до полного примиренія съ низкою и весьма ея несовершенствами, тогда какъ Шмилль и здѣсь проливаетъ зирамию и въ своемъ будущемъ видѣтъ полное, идеальное счастье чело-веческаго. За два года до взрыва французской революціи Шмилль изображалъ метафизика, какіе тогда явились въ жизни и отчасти опредѣлили судьбы Европы. Въ жизнь Теге онъ создалъ политическій образца, который и въ XIX ^{срокъ} Франціи не разъ одушевлялъ народнаго предсавателя и игралъ свою роль въ революціяхъ и борьбѣ за свободный чело-веческій.

„Донъ Карлосъ“, какъ и южнскій драмы Шмиллера, заключалъ кризису деспотизма. Онъ все еще соединялъ со своимъ политическимъ зворнечествомъ политическій цѣли. Вели .лессингъ пользовался театромъ, какъ каюдой, но Шмилль считалъ его зрительной оразора. „Донъ Карлосъ“ соединяетъ эпоху на литературномъ поприщѣ Шмиллера. Въ это время онъ съ увлеченіемъ предавался изученію исторіи философіи, и пылкость воображенія, котораго олицетворяетъ первая его произве-денія, уснула много сочиненій, болѣе правдивыхъ, болѣе согласныхъ съ законами искусства, болѣе клас-

списки и болѣе созерцательныя.

Во художественномъ отношеніи Дюма Карлосъ пред-
ставляетъ огромный шагъ впередъ сравнительно съ 3-мъ
предыдущими трагедіями Шиллера: здѣсь не только
характеры задуманы глубже и детальнѣе, но и поэтиче-
ство совершеннѣе, но, кромѣ того, здѣсь Шиллеръ со-
вершенно отрывается отъ югогерманской риторики и
широкоотщепенности; его языкъ дозрѣлъ необходимо,
вспомните въ Германіи Эмергин и Благородства.

Когда възрѣніе переломилось все болѣе и болѣе от-
клонялось Шиллера отъ тенденцій двора и дворянства,
тоя ораора. Французская революція наполнила
поэту ужасомъ; преслѣніи почитателей брѣва Козьмы
взбѣдъ за перо, чтобы предпринять защиту Людовика XVI;
онъ нѣсколько разъ изобразилъ въ своихъ сужденіяхъ,
идею ужаса революціи; онъ не хотѣлъ искасть вели-
чій человѣческой природы въ большой голго. Событія
того времени занимали у него весь политическій на-
дежды, на сраженіи; какъ онъ говорилъ; каждаго опыту
улучшенія государства, думалъ онъ, должно предше,
суббота облагороженіе характера германскаго, и со-
дѣйствовать этому еще задана неустоива, о которомъ
онъ создавалъ себѣ все болѣе высокія и смелѣя пред-
сравленія. Онъ старался критически изучить новыя
произведенія Гете и научился отъ нихъ. Онъ внималъ,
желко изучалъ „Валлонца“, составилъ рецензію о
немъ; подробно рецензировалъ „Исторію“, а эта
драма Эллинскаго происхожденія указывала на 3-ю
трипиду. Сами греки теперь впервые стали близки Шил-
леру. Онъ думалъ, что умираетъ въ нить, тогда найди

незрелую прозу. Бесовды сь Виландомъ убилемъ Шиллера въ миръ Греции. Онъ вынодился въ древнего Дмлады, перевелъ двѣ пьесы Эврипида: „Орпегенито въ Авлидо“ и газетъ его „Фриникиданокъ“. Онъ гизалъ Гомера Тресса. Онъ печалмелъ въ отноше Големомъ глудомомъ, сепномъ срилозвореніи „Die Götter Götterfährten“ (1788), мезкомъ Меркуриу Виланда (1788) о богамъ Греции, а въ другомъ, гудакгическомъ „Die Fünftausend“ (1789) прославлялъ прекрасное шизнетное призваніе судомниковъ. О поэте онъ говорилъ: „Добродетельми презимтъ по, колтоній онъ воспламенелъ послѣдующее время; какъ неподкупной сраомъ, онъ сидитъ въ предверіи бездмериди“ (An Fuganten das Abwärtzfluffe antzintak an die Folyzait; im Fult, im inwärtzfluffe Abwärtz, im Fult, fof das Untwärtzfluffe). Поэзія, по его словамъ, унверсально соединяетъ раздѣляемую силу души, голову и сердце, острый умъ и шизку, разумъ и воображеніе и заимъ образомъ какъ бы воззавождаетъ цѣлаго человека. Въ ея младдвцелъ свозъ умъ избгаеетъ ранней сзароси. Но именно поэзія она должна быть въ зрѣломъ и простощеннмъ рукахъ. Все, что мочетъ намъ дать поэзія, это своего — индивидуальности. Поэзію его первмъ и важнѣйшимъ гделомъ должно быть обелатороженіе этой индивидуальности, возвышеніе ея до высшей, прекраснѣйшей человетности. Тонъ, ко мѣ зрѣлаго, совершеннаго духа мочетъ пронезе, какъ зрѣлое, совершенное.

До закой висозы образования Шиллеръ думалъ поднѣзъ самого себя. Но мѣзъ-за этого его поэтическая дѣятельность внала въ дилтвий, гомско шзрдка пре.

ростающийся и медленно охладивший сонъ. Жизнь 1788г. прошла въ приподвиженіи къ профессуре и въ муз., казнь въ раздѣлѣ. Въ это время (1788г.) издано было начало, Кеэорин оупаденит (свѣдѣній) Нидерландовъ;¹⁾ въ своемъ сборникѣ, Rheinische Mitha (Рейнская Митя), послѣ прозо названнаго Митя (Митя), котораго сонъ издавалъ уже нѣсколько разъ (1785-1791), Шмиллеръ намекалъ уже упомянутое орудованіе: „Художественн. въ котораго сонъ выразилъ свои вполнѣ уже сложив., мисль взгляда на искусство: оно есть облегченіе изреченья и правдивости въ красоту; прекрасное для него — смѣ., боль незримого и добраго. Въ это время, — въ это же пе., рядъ трудовъ Шмиллера были преимущественно кри., живые, философскіе и историческіе. Единственнымъ произведеніемъ, написаннымъ Шмиллеромъ въ время этого періода и въ котораго видно философское на., направленіе, соединенное съ прелестью вымысла, были „Der Geistesleben“ („Духовидцы“¹⁷⁸⁶⁻ 1789). Это только орудованіе, но орудованіе полной занимательности, это суетварное направленіе ума человеческого орудованно такъ, что орудованіе и воодушевленіе, и философскіе из., выскандитъ. Слово этого орудованія мадерской; прозога, орудованнополосная съ мракнотъ и фразалистиче., скимъ барактеромъ сообразій, орудованіе въ разказѣ, полномъ двисменіи, заславляющъ сознаніе, что поэта не замѣлся прилежителъ сочиненіемъ романовъ.²⁾ Скептическое расположеніе ума его, орудованіе ору., мнѣ котораго орудованій, замкнутое уже въ „Духовидцы“, орудованіе еще очевидное въ „Философскіе мислѣ“. Но это орудованіе въ раснаерѣ еще сильнѣе въ поэтическомъ

¹⁾ Der Geistesleben des Aprils im Vereinigten Niederlande 1788.

²⁾ Онъ написалъ еще только два разказа: „Der Aufbruch des unvollkommenen Geistes“ (Преступникъ вѣдѣннѣ орудованнаго брака, 1786) и „Signal des Aprils“ (Игра орудованіе, 1789), которые не имеютъ орудованіе.

создании обь утраченной славы древней мифологии.
Уже упоминалась поэма, названная "Богини Трестии" —
одно из превосходнейших произведений второго
периода жизни Шиллера.

Какъ уже знаемо, въ мае 1789 г. Шиллеръ про-
чалъ въ Денке своего безумствую лекцію на тему:
"Что такое всеобщая исторія и ея какое должно быть
положеніе?" Кромѣ лекцій, издательско приговорившись,
Шиллеръ участвовалъ во многихъ литературныхъ пред-
приятіяхъ того времени: писалъ рецензіи въ "Ден-
скии литературный вѣдомости", написалъ "Die Sendung
Moses" (Посланіе Моисея, 1789), "Die Gesetzgebung des
Moses und Solon" (Законодательство Моисея и Солона,
1789 г.) и другія малюткія сцены; но не останавливалъ
своей исторіи ознаменій соединенныхъ Нидерландовъ,
начало которой издаю было уже годъ раньше (1788).
Вѣроятно благодаря Шиллеру за предложеніе написать
исторію грядущей войны, но написалъ законъ
только начало, помѣщенное въ "Историческомъ альбю-
нахъ" 1791 г. Напрасно просили у него продолженія
послѣ неодолимыхъ препятствій начала. Шиллеръ уби-
валъ себя чрезвычайною злудой, несообразностию
его съ зыблемыми силами писателя. Литъ герцъ
уже года окончивъ, исторію грядущей войны
(Die Geschichte des kaiserlich-preussischen Krieges, 1791—1793) и пер-
воначально свободно Индю Виргилія въ 1792 г., все-таки
Шиллеръ не продолжалъ своей деятельности въ эти,
тесной области; ибо по зыблемымъ планамъ, Фридрихъ
Великій, Густавъ Адольфъ, не могли дальше перри-
тескить предварительныхъ отвѣтовъ Шиллеру темеръ

1. "Was heißt und zu welchem Ende studiert man Universalgeschichte?" 1789.

2. занимался изданіемъ "Замисковъ", "Мюнхенскаго Меркурия" (Allgemeine
Lingeforschung historisches von merkwürdigen Vorfällen, sinnenbegreiflichen von Schiller, 1790—1806).

предался трансцендентальной философии, прешу,
 несущественно зной части этой науки, которая разсудит,
 есть о подразделительных искусствах и их правобвен.
 подов влидний. Явился длинный ряд критических
 и философских сочинений: О (любимости) (граций
 и ^{доискусств} (важности) (Уебер Антита иуд Нюдд", 1793), "О нагези,
 чеконь", "Обь унозредлении пошлаго и низкаго въ
 искусствъ", "О гравесеконь искусствъ", "О возвышенности и
 з.д. Возвразившись нго своей родимы во мата 1794г.
 въ Дену, Шмиллеръ привезъ съ собою вашичайший нр
 своихъ гравсказовъ, Писемъ обь гезерическомъ воши,
 Жанн геловьчекского рода" (, ^{in der} ^{ersten} ^{Teile} ^{der} ^{Geographie}
 von Waufrin" 1795) и планъ новаго художественнаго
 журнала, въ которомъ дошны были угазвобавъ
 лучшимъ императорнымъ еимъ Тернанн. Критический
 скартъ обь "Экономъ" Тезе и позическомъ произве,
 денннго Марксона дозавили ему случай изложитъ
 свое мненье о драматургии и опредилитъ, какое нн.
 еро должна занимать ошсазельная поэзия. Но
 самая значительнейшая нго работа зреть скартъ
 это - скартъ О наивной и сантиментальной поэзии
 (Ueber die naive und sentimentale (Dichtkunst) Dichtung
 1795), въ которой Шмиллеръ доказываетъ чиньсерное
 сантиментальной, т.е. новой, поэзии рддоль съ наив,
 мой или анжнмой и призомъ указываетъ на прозу,
 воположности романтической и классической поэ,
 зии. Вмьеть съ тмъ онъ скарался прозивъ анжн,
 мой наурпоэзии, которой дерманелъ - придермивался
 Тезе, оправдываетъ свой содзвечный новнй и идеалъ,
 ннй образъ зворнезвѣ, когд онъ въ благородномъ

самоотверженіи (самоотреченіи) давалъ преимущественно
первой. Это была эпоха, какую Тѣре терпѣливо
послѣ издальнскаго погубки, время удаленія оца
поэзи, годы собиранія, издѣлыванія, мысленія, изъ
козоровъ оца (Шиллера) возвращенія къ драмѣ до,
мѣе богачства и глубокии; это были какъ разъ
періодъ преимущественно научной дѣятельности
Шиллера.

III-й періодъ. Совѣстная работа съ Тѣре
до смерти Шиллера, съ 1794 - 1805 гг.

Вскорѣ по возвращеніи Шиллера изъ родины въ
мартѣ 1794 г. въ Гету, произошло вѣстнѣе въ
жизни поэтѣ и въ умозрѣтельной жизни всей Гер.
макин событіе - личное сближеніе Шиллера и Тѣре.
Въ мартѣ упомянутого года Шиллеръ и Тѣре вѣстнѣе
были изъ Геттисбургскаго общества естественныхъ наукъ;
увлеченіе разговоромъ, Тѣре проводилъ Шиллера
къ дому и вошелъ въ его квартиру; съ этого дня
началась ихъ дружба; журналъ Шиллера Die Horen
(„Гасы“), для козорого Тѣре далъ свои Римскія элегіи
и нѣсколько сраженій, сближеніе ^{ихъ} еще болѣе. Хотя многе
поэты и ученые (между прочими и Вилгелмъ фонъ
Гумбольдтъ) обобщали свое ученіе въ упомянутомъ
журналѣ, но все-таки прежде всего Шиллеръ хотѣлъ ^{созрѣлѣе} сотрудничать
привлечь, расположить Тѣре къ этому предпріятію.
Тѣре. Такимъ образомъ не только Тѣре были снова про-
бужденны Шиллеромъ къ производительности, но и
Шиллеръ, благодаря дружбѣ съ Тѣре, вернулся оца
науки къ поэзи. Для обиды созаварившей ихъ со-
юзъ были началомъ новой производительной эры.

Если Теге расширил свои знания наблюдениемъ, то Шмиллеръ освоился въ мірѣ идей размышлениемъ. Если Теге освоился въ природѣ и искусствѣ и извлекъ орудія новыя идеалы поэзіи, полный смѣлъ, то Шмиллеръ работалъ въ зрѣломъ междувѣрствіи надъ исторіей и философійю и извлекъ орудія новую поэзію, драму. Два большія историческія произведенія и различная меньшія сраженія блестящими образами заявили его призваніе къ историческому искусству. Отъ „Донъ Карлоса“ его позвало къ „Судамъ Нидерландовъ“; а „Исторія Тридцатилѣтней войны“ была переломомъ къ „Валленштейну“. Философія Кампа смѣло охватывала его, манила къ дальнѣйшему развитію и къ прозвораго. Онъ не только научился переносить смѣлъ, исполненною сраданіемъ и разлитымъ разочарованіемъ и лишеніемъ; но съ высокимъ героизмомъ съ аскетическимъ особаго рода онъ поднимался выше земныхъ сраданій въ ясной области искусства. Онъ научился смѣло безъ зависти на счастье другихъ, въ королевствѣ ему было оказано, на счастье олимпийскаго Явненія, какими были Теге и которое онъ предъ собою видѣлъ. Изъ зажива фрактуръ его содвѣннаго смѣла, нежнаго положенія выросла у него его философія. Онъ замъ низко сравилъ чувствительной міръ, „дѣлать“, дѣлать, какъ это мочь дѣлать, замъ какой-нибудь средневѣковой прозвораго свѣта — „Готъ Алт“. Иными выше поднималъ онъ удаляющее оръ міра искусство. Красота — вѣкъ міра, какъ все доброе и великое у Кампа. Но если Кампъ хотѣлъ признавъ хорошию замъ, то что едѣламо въ борьбѣ со склонностями, то Шмиллеръ

восхваляла то союзяние людей, гдѣ доллы и склонносыя
 складываея, гдѣ озвлекетный и кубухвенный мѣръ гарно-
 нируютъ. Это союзяние приводица къ искусству, и
 въ греческихъ богахъ оно казалося оуцезувленныиъ.
 Шиллеръ, какъ и Тѣзе, возвращалася къ древнимъ ми-
 фологическимъ идеаламъ. Греки, говорила она, пере-
 мѣщали на Олимпъ то, что должно было бытъ выно-
 сено на земли; они удаляли съ гора бласменныиъ
 боговъ какъ среброносъ и рабозу, козорыя бороудяты
 щеки смерзныиъ, какъ и ниртосиную радосъ, козо,
 рая селасиваея пусое мѣо, и дѣлали нѣкъ выно
 доволныиъ, свободныиъ оу цутой бедкой цути,
 оуязносзи, забозы. Тѣзе писала изъ Иралим оу Юно-
 нѣ Лудовизи: „это была моя первая любовъ въ Римѣ;
 никакѣ слова не даюа оу нѣй никакого помятѣя; это
 зочно пѣсня Гомера: къ эзоу самоу Юнонѣ подошла
 генерь Шиллеръ и оуяденяа на нѣй нѣмезвѣ боисезвенного
 идеала: изъ ея прелесрнаго мѣца говориа ками не
 грация и не досзонсерво; это ни зо, ни другое, козому
 это это вытсера и зо, и другое. Неодолимо захвачен,
 носе и увлеченнае небесной прелесрзо и удершива,
 еные въ дали небесныиъ самозовольсвоиъ, мѣ на,
 ходишея вытсера въ союзятѣиъ высшаго покоя и
 высшаго движенѣя, и явлераа зо удивительное уми-
 ленѣе, дѣя козорого цуа не штсера никакого помя-
 тѣя, а дзвѣкъ - никакого штенѣя“.

Какъ у Тѣзе природа и искусство, такъ у Шиллера
 оулодозоряиелас философия и исторѣя. Философскѣ по-
 нѣтѣя, на козорыиъ она успокояиася, досзавили еиу
 беспомогаельное средсво, тогда въ широкѣиъ оскраае

обзоръ развитія человеческого рода и въ исторіи
 литературы всегдѣхъ самый обширный прозисово,
 возмозеи сундѣ. Какъ въ „Идеяхъ къ философіи
 исторіи человеческого“ Гердера, полнѣйшій блескъ
 озмичаетъ грековѣ. Но ученникъ Руссо все еще вторитъ
 въ похервѣнное идеальное соединеніе человеческого,
 которое онъ называетъ природою и которому онъ про-
 зисовозабываетъ культуру. Расчлененія, литералы, жи-
 возный и пейзажи, дѣзекатъ синдѣ, нравы деревен-
 скаго люда и первоначальныя времена укладываются
 у него въ одинъ рядъ. Они представляются, что
 мы были и гдѣ слова должны сдѣлать, мы были
 природою, какъ они, и наша культура нудетъ раз-
 чна и свободы слова должна вернуть насъ къ при-
 родѣ. Они представляютъ изображение нашего по-
 зерянаго дѣзекатъ и вытѣрѣ нашего всемага совер-
 шенства въ идеаль. Мы обидѣи Карактеръ — наивное.
 Наивное, которое обладаетъ дѣзѣ, синдѣ въ совершен-
 нѣйшѣмъ значеніи и въ образѣ мѣнѣи гени-
 евъ. Наивныи были греки. Наивной поэты ерѣ Теѣ,
 между гдѣ какъ себя и себя подобнаго Шиллеръ
 называетъ санзисензальными. Наивной поэты — это
 природа: санзисензальной поэты ищутъ ее. Первый
 изображаетъ дѣзѣзисензальность, второй представляетъ
 идеаль. Первый ищѣетъ передъ собою гдѣзисензальную
 реальность, второй — болѣе высокій предметъ. Первый
 успокоиваетъ, второй возбуждаетъ. Первый даетъ намъ
 наслажденіе синдѣмъ насзодящимъ, между гдѣмъ
 какъ второй насзраиваетъ насъ прозисовъ дѣзѣзисен-
 зальной синдѣи. Такъ Шиллеръ въ своей срачѣ: „Наив

novina und Antiquarische Zeitung (1794-95).

Научные мысли, в которых живет Шмиллер, много раз давали сюжет его творчеству. Само искусство не раз было его сюжетом. Оно изображается, как оно возвращается человека к небывшему, к природе, к ближнему его к высоким богам и удаляет от него все земное. Зачем взывается к поэту: Почему же жить на земле небы со мною? Когда бы ты ни пришел, оно будет для тебя открыто (Denn es ist in meinem Himmel kein Gott der kommt, er soll die offen sein. Sp. in Freilicht der Erde). Тогда наполняется ему чаша нежары и отъезда - воображает себя одним из богов. Изобретение кино - не сказка; оно донимает и всегда через в искусство. Франция всегда молода: *Denn sie bleibt immer jung ist nicht im Phantasie; denn sie ist nie und nirgends fort gegangen, das allein konstant ist.* (Sp. in der Hand). Поем и любовь в прекрасном соединении собираются в одно кино. Но, искусственное искусство не должно служить прозой поэзии; Поем не подиет для Арма. (Sp. *Edasus im Lauf*). Прекрасное живет не в донимательном мире, а только в сердце, только в душе. Напрасно мигрирует уродина, чтобы найти где-нибудь на земле небо-непреходящее. Куда к идеалу выводит за пределы жизни. Красота, это - небо; красота - мир; красота - счастье. В ее святыне есть забота, есть раскаяние, есть слезы, есть обязанности. Но ~~Геркулес~~^{Геркулес}, который как бог поднимает к олимпийцам, боролся на и страдал на земле. Многомерно добывается человек скудной доли от сурового неба, но легко приобретенное, из лона

Бокова срается падаешь на землю (Sinnlich steigt in Konstan
 Loop der Mensch dem finstern Himmel ab; der lauch anwacht,
 von, aus dem Grotzen der Götter fällt das Glück hervor).
 Красота подвигается иногда и на землю: „Во доминате
 у Бидеана паеуха“ (In einem Hül bei einem Götter...
 ср. das Wunder mit dem Götter) — возы где померь ока,
 захвет поэзия. Аркадия находитесь ^{около} этого ребенка, ко,
 горой израель на колотыкаль у мажери. Мавриши, ко,
 горой еще ничего не знаешь о суремлении ко стору,
 утвренио блудидаеть вь сумаркаль. Ребенку удаеся
 зо, что не удаеся мудрецу. Мевинного наука не
 можеть научить писему. А гений строит вь вышномь
 союзу сь природой. Меницины сраются неси теловы,
 кеево ко зьвздавь на окроменной колесницею красо,
 зьс и, шь одворомизелного проеодущий герзь стору,
 сь совершенство и колыбель теловотеево, господствуеть
 сила ребенка, сила ангела“ (mit dem Wunderwunder fin,
 fällt der Götter Welt mit dem Menschheit Wollandung mit
 Dingen, furcht das Furcht, das Furcht furcht). И какь
 двои и меницины, какь аркадский мирь и какь гений,
 такь и расение сьс дозопогтемный символы:

„Ты ищемь высшего, величайшего? Тебя померь зьому научить, а,
 Тьмь, тьмь оно сьс невольо, дубь по своей воле — это и ^{Судия}.
 Будеть зо, чего зьс ищемь?“

(Sinnlich die das Götter, das Götter? In pflegen kann ab die lauch.
 (Ab die willenslos ist, die die ab volland — das ist!)

Какь видно, Шиллерь и вь сьсимворенио оложно
 оханавливаеть на великить сьсупенявь развизид на,
 него рода: какь проявляеся какь первоначальной
 грубоси, какь дикари сьсимвляеся модьми, какь люди

наблюдать в созвучии с природой, как бы они господству.
 позы над ней, как бы они озвучиваются от нее и наконец
 возвращаются к ней с свободой. X

Эпо - немногие основные воззрения, поэты поэмы
 необходимо плодотворны, к которым поэты переходят,
 но снова возвращаются и возвращаются от них неистощимо
 даешь сознание разницы оборотов. Ни одна литература на
 земле - говорит В. Шерер - не владеет законом поэзии
 мысли, которая превосходила бы эту поэзию возмущения
 глубокомыслием, разнообразием мысли, силой об-
 разности. Как уже знаешь, с 1794 года Шиллер
 издавал "Ласси" (, Die Horen"), одним из самых лучших
 поэтических еженедельных журналов (1795-1807), а
 год спустя "Мисналь Мюз" (, Misenalmanach, 1795-1800).
 Не смотря на блестящий успех Союзников, эти жур-
 налы имели весьма посредственный успех: много
 подготовленная критика возмущала их почти брани,
 дедно, а публика, затаившая ужимки интереса для
 и испортившая свой вкус на чтении разной дра-
 мы, - равнодушно. Обширные эссе, Шиллер и Тегер-
 нгели ознакомили своих братьев и вместе с собою
 знаменитый сборник Эпиграмм, изданный под
 именем Кесен. Кесен произвели в Германии
 сильное движение: они в значительной степени очи-
 щили воздух, изредившись множеству мелких рецен-
 зий и заставив задуматься публику. Совершив
 этот здолжный долг, Шиллер и Тегер снова обра-
 тили к серьезным и самостоятельным работам,
 которых можно назвать совершенными в том смысле,
 что ни одно произведение поэта не появлялось на

связь была того, чтобы другой поэты не подверли его серьезной, всегрозной кружине.

Около этого времени срасть къ поэзии снова Шил., перомь овладѣла, и поэты заплелъ рядомъ прекрас., тайничать лирически, и эпически ^{и дидактически} срифловоренн.

1) Лирическия срифловоренн: повести, какъ-то, *Die Kunst des Feindes* (Досезонство земщины, 1795), *Die Feinde Feindes* (Омиданн, 1796), *Die Feinde des Feindes* (Свигаванн-Малл, ~~де Керерр, 1796~~), *Die Feinde des Feindes* (Элевзимскій празд., ~~наст., 1798~~), *Die Feinde* (Колоколь, 1799), *Die Feinde* (Тор. наст. наст., 1804). Элегии: *Die Feinde des Feindes* (Прогулка, 1795). — Язык Шиллера не богатъ. Онъ и зѣкъ долженъсь добовозвобавьсь немногимъ, но онъ умѣеть длеозане джиль поовзобавьсь. Тамъ онъ поовзобавьсь ривной, тамъ онъ склоненъ къ красивой фразѣ. Но его двучимий сродъ паравнъ съ двучимий Тѣе; а его словобнось геканнъ селозеннн и прадаверъ нль дилракмажеску оетроу, превосводухъ Тѣе. Въ особенносн какую пре., лерт онъ пвлкаерт изъ материаловъ, оръ козривъ наст., зѣ было бы ошндерт законъ образносн, какъ оръ разнѣра слоговъ и формъ сфроръ. Какой пладикой онъ расно., лакаерт, когда пзобрамаерт занецъ въ срифловоренн *Die Kunst*, какъ символъ властубноцей надъ миромъ мѣрты, или когда онъ виводухъ нль Поклонн и Тер., куланцль безъ всякой другой цѣли, кровь того, тогда наслаждаерт въ вообразенннхъ переживанннхъ и снова безаощннхъ карзуканнхъ анжисной днзжнн! Соствль орднлно сройухъ срифловоренн, какъ, *Воскрѣс.*, ода въ Клоннзоковеканнхъ мѣртъ, гдѣ ссозданнѣ пре., браценно въ днмѣрвнѣ, мнволонжескн, въ высшей среннн

1) *Die Feinde des Feindes* (О смерти похоти) — одно изъ его раннихъ срифловоренн;

прекрасно и наглядно. Символика, сь какою очень много
переноситъ предмѣры дѣйствительности на вымышленный
миръ, объясняетъ неодушевленное человѣчески, советами
въ духѣ Гёте. А. Колоконтъ или „Писемъ о колоконтѣ“
эпическое соединеніемъ Благороднаго и популярнаго, въ
дерзновенномъ реальномъ изображеніемъ ослѣпенъ ко-
локола и всегда необыкновенно искусно привязан.
мѣсто къ эпоху наблюденіемъ жизни, пришедъ за „
Прогрессомъ“ весь значительный охромленія чело-
вѣка, дѣтство, юность, любовь, бракъ, породичный домъ,
познать, козорій разрушаетъ его скарисин, смерть, раз-
рушающая его выщри, порядокъ и миръ, война и
революція, вѣдь въ эпическое поднимается до самаго выс-
шаго, что только вообще возможно въ эпоху рождѣн. ✕

2) Эпическія суживоренія: Баллады и романы, како-
го: „Das Singspiel“ („Торжество побѣдителей“), „Fleisch und
Selen“ („Молода Церера“, 1796), „Ginny nach dem Firmament“
(„Созвѣздіе въ шестозвѣздіи заводѣ или „Фридрихъ“, 1796), „Пер-
газка“, „Визаръ Могенбургъ“, „Возлага“ („Гольфъ“), „Полн,
красавица персидъ“ и „Кавказскіе муравьи“ (1797), „Елсвизин,
ское зорисево“ („Das Elysium der“ 1798), „Будательство“ („Die
Singspiel - daron und Phantasie) и „Сравненіе съ зѣлелью“ (1798).
Позднѣйшему времени принадлежатъ: „Геро и Леан,
дери“ (1801), „Кассандра“ (1802), „Графъ Табсбургскій“ (1803) и
„Торжество побѣдителей“ („Das Singspiel“) и др. Матеріалы
доезавляютъ поэту анимативъ мифологія и героическая
сага: Церера сматываетъ на своего дочь, или она уходитъ
къ дикарямъ и приноситъ имъ первую цивилизацію;
Кассандра оплакиваетъ свою судьбу; возвращающіеся
дѣлной греческіе герои празднуютъ побѣдное зорисево

1) Въ эпоху суживоренія не только дѣтство является въ основную охромленія
жизни, но и вся субъективная сила жизни и развитія связывается съ вѣст.
послѣдствіемъ и объясняющей зѣлелью жизни.

после падений Трои. Цикль зродившихся преданий давно
 пытался для Шиллера величайшую привлекательность.
 Но теперь оно может быть далеко доведено самовоздержан-
 ние, что переносится во думу североамериканских
 дикарей и пылает с пылом погребальной прищипки,
 напр., *Madowsen's Todtlied* (Погребальная псалма Кадо,
 всеира). Множество балладъ быстро и легко развивались
 у него не только вь анжичныхъ, но также вь средне,
 вьковскихъ сюжетахъ, и оно выражалось вь нихъ очень
 различныя настроенія и часто поразительное сочетан-
 ние судьбы. Самизменчивость рыцаря Шогенбурга
 удалась ему также хорошо, какъ Гизва со змеею.
 Оно также серьезно пыталось представить вь, Поникра,
 зовомъ переносъ греческое помятие о зависти боговъ,
 какъ средневекное благочестіе (вь, *Гану кону ван
 Фририхтин*) вь Кода вь шельфовый заводъ. Какая
 глубоководная связь между виной и наказаніемъ
 вь, *Миковади суравлиди*. Шиллеръ неодолимо при-
 давалъ живымъ рассказамъ едновременно драматической
 сцены. Но его эпическая сила блестящими образами
 развертывалась вь соперовской подробности изобра-
 жений. Милосердное наблюдение природы оно пыталось
 запечатлеть шукениемъ и силой фразизмъ. Самое лучшее,
 что у него было вь распоряженіи для изображения
 Каридди вь, *Водолази*, это шукль и рева меланжъ,
 козорьки оно боялись оживить себя несконечно судью,
 Одиссею. Какъ характерно изображены оно вь
 "Перлазны" дикими зверей! Какъ наглядно, собственна
 для глаза, но вь него эпическими средствами, оно изо-
 бразило убогаго дракона, козорого убивающа мавзій.

ский рыцарь!

3) Дидактически-сказочворения: дидактически по,
 Оми, напр., *das Fabel und das Fabeln* (Идеалы и мизанс, 1795), - это формосообразная
 параболы - притчи и загадки, Эпиграммки, Кеселин (1795). ^{ода, как и „Die}
 В особенности видны *Volksfabeln - Tabulae vo.* ^{Wolff des Franzos}
 Аинае, которые извлеклись богатством гуманистических ^{ни};
 эмпирических колоссалий и прозвонкопозитивной при,
 Силуатозе кь высокому художественному реализму
 Тезе. Но если мы часто снова узнаем определенные
 взгляды Шиллера в его сказочворениях, то мы лишь
 ускользаем его личности. Они доходят лишь всеобщими
 признами, и даже там, где они изображают субъекта
 (это случается не часто), они доходят это в придуман,
 лишь колоссалии, в которых находят видообразна,
 емель лица. Событийный анализ, как и там, не доходит
 его на его поэзия. Они работают над тем, чтобы за-
 бить самого себя за вензели.

Субъекты, как первоначальный натурализм сажи,
 риска, который никогда до конца не был про-
 зивопопозитивными, теперь упирается в эмпири,
 мое разнообразие предметов, как Шиллер понимал
 и видел в различных эпохи истории, как изуче-
 ние и работа имели повсюду пошлю на пользу
 его поэзии, и как в особенности ему удаются удо.
 Визуализирует труднейшему требованию искусства и оза,
 Варсея объективными.

Шиллер добился этой объективности и для своего дра-
 матического зворесва, кь которому он наконец воз-
 вразился. Между появлением „Don Carlos“ и оконч.
 чашель „Валленштейна“ прошло уже двенадцать лет.

1) Напр., Картина в Салес (das Bild im Saal); Разделение земли (die Teilung
 des Landes) и Пегас в Эрмее (Pegasus im Saal).

Шиллер долго колебался между эпическою поэмою, героическою былью бы Тугавы-Адольфа или Фрида, или Великий (Германский), и драматическою эпическою, въ которой онъ хотѣлъ изобразить воинскій и вѣтъ, съ религиозной дѣль малбюргскихъ рыцарей; наконѣцъ онъ основался на „Валленштейна“. Однако, прошло еще три года прежде, чѣмъ „Валленштейнъ“ былъ оконченъ. Позже нѣсколько разъ извѣщали племъ этой драмы. Сначала онъ написалъ было ее прозою, которая переложилъ въ стихи. Иногда онъ хотѣлъ совершенно отказаться отъ работы: какъ трудны и не благодарны казались ему матеріалы, которыми онъ долженъ былъ пользоваться. На данъ своей, близъ Ренн, Шиллеръ написалъ многія изъ своихъ превосходнѣйшихъ произведеній. Здѣсь родились: „Письмо о колоколахъ“, „Прогулка“ и здѣсь же были окончены его главнѣйшія труды ^{„Валленштейнъ“} драматическая поэма, составившія драматическую поэму, трилогию: „Лагерь“, „Пикколомини“ и „Смерть Валленштейна“ (Wallenstein: Lager, Piccolomini, Tod, von dem Verfasser G. F. S. 1799-1800).

Первая драма („Лагерь“) поется въ началѣ пролога къ дѣльмъ слѣдующимъ („Пикколомини“ и „Смерть Валленштейна“): въ ней изображена военная жизнь полковъ и солдатъ, которые, послѣ изгнания короля, проведены въ сраженіяхъ и въ грабежахъ, содраны, наконецъ, на равнинахъ Пильзена. Общественная, изложенная въ этой прологѣ, обнаруживаетъ затруднительное положеніе Валленштейна и интриги, которые его окружаютъ; но, вѣдьма съ глѣнь, вѣнь, старъ извѣданы добротныхъ къ потускнѣвшему

лицу, умышлену едязарь въ одно цѣлое эманентны
различныя, непокорныя. Общій покорный драмы „Ласерг“
исполнены дикою веселостью, прерываемою, по време „
наль, грубыми остротами и насмѣшками надъ од,
разомъ жизни солдата. Стала обрисовка характера,
ровъ напоминаеть порезывъ Шекспира. Теніи Шил,
лера переносятъ насъ въ вонюченную, полную
приключеній афросферу грядущаго вѣка.
Въ „Пикколомини“, напротивъ, все движеть спокой,
свѣтло; сцена любви Макса и Теклы напоминаеть
идиллю. Зато, въ драмѣ „Синерг Валленштейна“ дѣй,
свѣе быстро подвигаетъ къ неизбежной развязкѣ;
трагическій интресъ увеличивается съ каждою сценою;
блѣдныя мушкетерскія Мамезиды, передъ какою слабостью
и зрѣющаго Валленштейна, губевуеетъ отъ начала
до конца драмы.

Тѣе, близко сойдеть съ Шиллеромъ, гасо пользовалъ
для веймарскаго театра его соботами, а когда Шиллеръ
въ 1799г., окончателно освобожденный отъ своихъ профес,
сорскихъ обязанностей, переехалъ въ Веймаръ (гдѣ Тѣе
съ 1791г. заведывалъ театромъ), оба поэта рѣшили соеди,
ненными усилиями сдѣлатъ веймарскую сцену образ,
цовою для всей Германіи; герцогу не малымъ средствъ
для этого. Поэты зорко до малочасной степени дослужили
своей цѣли: веймарскій театръ, дѣйствительно, сдѣлалъ
хорошей школою для актеровъ, но публики отъ не могъ
удовлетъ, такъ какъ отъ игнорировалъ ея вкусъ, да и
по самому положенію города Эзю публики было не,
много, еслибъ не іенскіе студентъ, которые надъ празд,
никъ охотно являлись въ несколькомихъ, чтобы побывае въ

веймарского театра.

Суровое впечатление производила зрелищность, содержимый на сцене двор и управляемый не только замкнутый собою и безмолвный министр флот-Тёзе, но и во ро же бред и величайший по, Эдоль Терманн, авторство Тёзе, Вердера, Рингофа, Мей, сфера и т.д. Самое последнее много занимала во нем публика, дремлющая перед двором, который, во свою очередь, дремала перед Тёзе; актеры же не обращали внимания ни на двор, ни на публику, а смотрели во глаза жону же Тёзе. Они сагнали актеров на гауф, ваху, актеры подвергали домашнему аресту, а когда публика осматривалась выражать свои чувства, ей не предписывая, Тёзе кричал: „не смейте смеяться!“ угрозы полицией или, по крайней мере, угрозы во взгляды своей огромной глаза превращали во сцену провинившихся. Во жону же, савид географа, геския основы, на который Тёзе и Шиллерь ботали реформировать театральную сцену, были несогласны ни со национальным вкусом, ни со духом времени: но убедительно позови, искусство должно быть przede всего прекрасно, и само быть во угоду красоте. Эта сцена должна быть естественностью. Актеры не должны позволять себѣ ни одного фязкаго движения, никогда не должны оборачиваться во публику спиною или даже во профиль; короче сказать, они всегда должны прекрасно играть, а не жить на сцене.

Несмотря на зрелищность несовершенный принцип и на недоразумевенный диспозилизм Тёзе, энергия

закого директора не могла осуждаться безплодной, 20 ан,
 рояль 1799 г. веймарский театр показали себя во всем
 блеске при представлении Шмиллера „Валленштейна“.

За исключением Макса и Теkla, Шмиллер осужд,
 ся къ главнымъ лицамъ, Валленштейна какъ колѣ,
 дель, что мочь изобразить мѣхъ съ полнотою объектив,
 посяго. Въ Мэсорин Тридцатилетней войны Шмиллер
 представляли мрачнаго полководца свободомыслия при ре,
 лигиозныхъ предрассудковъ своего времени и смертной
 церкви; потому этого мѣхидъ не трудно было считать
 его представителемъ либеральнаго принципа и такъ же
 дакъ ему поидишь оу гезуитовъ, какъ Дочь Карлоса
 и Маркиза Пюжа безплодно возмущали противъ мѣхидъ,
 зидии. Въ самомъ дѣлѣ этого мѣхидъ приподился и дра,
 матическому Валленштейну, но онъ должиеть быть под,
 нимается другой точки зрѣнія. Шмиллеръ взял своего
 героя какъ жить практическаго реалиста, какими онъ
 его изобразилъ въ одномъ мѣхъ своихъ научныхъ зрудовъ. —
 Очень поучительна мэсория созданий, „Валленштейна“,
 подробно обелтадованная Дюцерамъ въ его „Триптата,
 нидѣхъ къ нѣмецкимъ классикамъ“.

Окончивъ осенью 1785 г. своего „Дочь Карлоса“, Шмиллеръ
 былъ не советилъ доволенъ мѣхъ и зидиѣ внезапности,
 которое онъ произвелъ зрой драмой на публику. Мэжомъ
 1788 г. онъ работаетъ надъ своимъ мѣхидъ „Дочь -
 Карлоса“ (лучшій образчикъ самокритики), въ которой
 мѣхидъ сквозить его желаніе примѣнить болѣе опре,
 дѣлившіяся взгляды къ новому зворенію. Познако,
 нившій съ Тѣре и получивъ предложение оконозително
 каседри, онъ пишетъ 22 января 1789 г. : „никогда еще у

Календа не было такого существенного материала как бы новую драму, какъ въ эту зиму, именно когда обер-директоръ не позволялъ мнѣ этого? Работая для своего курса, онъ охотно принялъ предложение книгопродавца Томена — составить для Дамскаго историческаго календа, въ перерывъ Тридцатилетней войны, которая занимала его и преемде, какъ эпоха величайшаго національнаго бедствія: около этого времени его заинтересовалъ одинъ романъ (вышелъ въ 1788 году). Историкъ графини Теклы фр. Турнов или сценки изъ Тридцатилетней войны? Упомянувъ въ сентябрѣ 1790 г. 1-ю часть Тридцатилетней войны, Шмиллеръ похвально высказалъ свое мнение о томъ, что новая драма именно изъ этой эпохи. Въ разговорѣ съ Далбергомъ, къ которому онъ поѣхалъ въ Эрфуртъ, родилась у него идея героическаго изобразить Валленштейна, на эту тему уже были два трагедии (одна вышла въ 1783 г., другая — въ 1787 г.), но не они имели виднаго на Шмиллера, а скорѣе монодрама Гершенбаха, Историкъ Альбрехта Валленштейна (Гершенбахъ, Altenburg 1790—1791, 2 тома).

Оказавшись по близости гдѣ-то лекцій въ уни-верситетѣ и зовомо дома гдѣ-то приватизата по эстетикѣ, Шмиллеръ все чаще и чаще возвращался къ этой мысли. Нюссингъ оправдываясь, что принадлежалъ за взоромъ части Тридцатилетней войны, которая теперь получила для него особенный интерес. Въ письмѣ къ Кёрнеру отъ 25 мая 1792 г., онъ гово-ритъ, что замѣдлѣн историческимъ и эстетическимъ (онъ работалъ надъ Эстетическими Писемками) не удовлетворительно

его: ему хотелось поэтизировать: в особенности у него
 "зудить" ^{идеи, чувства} по Валленштейну; при Валленштейне,
 отъ убтйденъ, кришка должна возмощить зоръ бредъ,
 который она ему сделала, забавивъ его похвалой словъ
 мосье зворнехва. Покончивъ (въ сентябрѣ) съ Тридцати-
 лѣтней войной, которая послы смерти Валленштейна
 потеряла для него значение, отъ кланяется себѣ не братъ
 никогда впередъ навязанной работы. Следующимъ, 1793,
 годъ ушелъ на друидъ работы и на поезде въ родины-
 Шуггаръ; но въ началѣ 1794 года поэтъ снова возвра-
 щается къ Валленштейну. 17 марта отъ извѣщающъ
 Кёрнера, что планъ трагедии похотенно зрѣеть. Между
 тѣмъ произошло сближеніе Шиллера съ Тѣзе, на пер-
 вое время отъ бредно отразилось на Валленштейна:
 Тѣзе убтйдала Шиллера отъдаъ предпочтеніе другому
 сюжету ("малбѣйскіе рыцари" - псеа должна была
 представлять простѣйшій видъ героизма), а поэтомъ друзья
 много работали надъ своимъ журналомъ и надъ ис-
 правленіемъ вкуса публички. Польшо въ Январѣ 1796г.
 Шиллеръ снова возвращается къ мысли о Валленштейнѣ:
 отъ, но теперь отъ думаетъ о будущей своей драмѣ съ ро-
 бостью: ему надо на нее мосье ^{свободный} (Тибетцавъ, а далеко ко-
 мическа брентинъ отъ не предвидитъ). (два года тому на-
 задъ отъ предполагала, что псеа мосье зоръ охотъ.
 гена въ зри педтам). Въ мартѣ этого же (1796) года,
 отъ, наконецъ, присталъ за Валленштейна; различіе
 своей задачи отъ предвидитъ псеа отъ ясно опре-
 дѣляетъ въ письмѣ къ Гумбольду: "пресиде, напр.
 въ Позъ и Карлосъ, я сжаралъ педоезатовъ правды
 возмощить прекраснѣе идеаломъ; теперь въ Валленс,

идеи, а согу показаться возмозоритъ недосравоицу
идеалности (именно самозитензальную) просую правдою.
Задача его зять зрудитъ, что герой его, Валленшгейнъ,
въ одно и зо же время и реалитъ, и неудачникъ.

Тезе збудившись, что изъ Валленшгейна роизраетъ
никого не выдержитъ, если всецело преданъ театру,
поощривъ Шиллера работахъ надъ Валленшгейномъ,
то позжа озвлекать зо мелкия работы, зо болызья. Однако,
уже въ ноябрь 1796 г. отъ писарь Кёрнеру: „На одно
изъ моихъ произведений не имало сротко
определенной цылы и форты, какъ Валленшгейнъ,
уже въ генералитъ своемъ видъ; а въ зотности знаю,
тего а согу и что а долженъ сдлатъ“. Отъ находить
стоитъ сфрашно неудачникъ: здотъ государственное
дзействие, сурое политикъ, много и мелкия средъ,
срва, бедна мелкия разсчетовъ. Близъ всего — армия,
о которой отъ не имать понидитъ; самъ сфраши
Валленшгейна прозавитъ, какъ и его характеръ, въ
которомъ ни благородства, ни перинного величия.
Отъ ведтъ руководитъ вниманни прикинали и
вниманни цыляни; къ землѣ его призывають
акноетъ; отъ находить удовлетворение зотко въ
дидзельности; если отъ не можеть дзействовать, зо
отъ не хотеть жить; высшя блага для него влаеть
и величие. Толь болыше закая форма характера про-
заворота гила государственному зубезу Шиллера, чьимъ
болыше отъ предполагалъ въ своей публикѣ идея,
мезитское настроеніе, и тьль болыше отъ хотеть
вызывать зо настроеніе, зтьль болыше казалое ему
необходимъ приближить къ сердцу зритель

Мезорія публ. літератури XVIII вѣка.

сфранкаго сама сяесяд („ты действъ фантазіею Фран Тофи“), козорого они посабили цензуромъ своей дра., мажисексой поэмы. „Но, — заклопачеъ Шмиллеръ, — иже, по закови долгиего бытъ мажеріаль, съ козорьимъ я могу палакъ моего побучо драматическую сизисъ“. Въ писемъ къ Тѣзе (оуъ 18 ноября) Шмиллеръ сравниваеъ Валленштейна съ Македонъ: въ несаезіи обоуъ об., сзодзрелсезва мало виноваты; они сами узурпировать свого гидель; они Логеръ, ишоби на винсезько свилазо. Брамена Келезюда. Рабоза идеъ впередъ довольно скоро, и они уже говорюуъ опредѣленно о содержаніи 1-го акта (изъ козоророго позднѣе развилаеъ самостоятельная драма — Пикколомини). Въ Январь 1797 г. они обсео, зрельско босендучеъ съ Тѣзе о Валленштейнѣ, но еще не показываеъ ему написаннаго; въ мартѣ они усилен., но занимаеся ради Валленштейна аурологіей, ради его еще изучаеъ древнѣе урагиковъ и Шекспира, пере., гизываеъ кинзюку Аристорелд. 27 мая они прочеъ Тѣзе въ первокасаелькомъ видѣ Валленштейнова Логере, ко., зоритъ они зюда сизаль прологомъ. Тѣзе были очень доволенъ ише; въ писемъ къ одному приделью Шмиллеръ сравниваеъ армію, въ нельч дмисезькоуцоуъ, съ Лоромъ древнѣе, обиденъеъ гидель Валленштейна осзурочикомъ параллелью съ сзвременновиъ собыдїемъ — паденїемъ Дюмурѣ (въ обоуъ случаѣхъ молодикид войскоомъ полководець забвилъ, какое значенїе для арміи имееъ знамя). 18 июня Шмиллеръ послаеъ прологъ прологъ Кёрнеру; зюъ поразителъ зезизмомъ его и каглядной правдою; Шмиллеръ въ воезоргъ оуъ его мнѣнїа, бодро сизорнѣеъ впередъ, но сзонаеъ, что

раньше года ему с Валленштейном не справился. В это время вся пьеса, пролог, пролога, писана прозой; но в подходе Шиллер решил обратиться к ямба и выразил удивление, как это отнюдь вдумчиво. Было написано поэтическое произведение в прозе. При такой переделье принятое во многом изысканно и содержание; многие поэмы, бывшие универсальные призывы обобщенной жизни, стали теперь непригодны, зато явились новые; срифмованная форма вела к цели, кенно элеменга общаго, человеческого. Хотя с перерывами (вспомните болтовни), но Шиллер работал над Валленштейном всю зиму; после этого отнюдь писал Тизе: "Я чувствую, что стал выше самого себя, и это есть последствие нашего сближения; довольно посредственное обращение с законами объективной и своей прозвучающей, но и как натурой могло сделать меня способным перейти так далеко к субъективной границе. Я полагаю, что искусство и обдуманность, плоды бытие зрелой души, не имели меня земного, свойственной поэмы промолву". Своему издателю Коху отнюдь писал, что ни одно еще произведение не удавалось ему в такой степени, как Валленштейн. Отнюдь долго думал, как ему справиться с сыном Макса Тиккского, книги. Поговоривши с военными, отнюдь убедился, что лучше всего будет убрать его за сцену. 15 августа отнюдь просил Тизе и два последние акта, но еще вчерашне. Отнюдь спешить возобновляется последние недели на даче, чтобы одрадовать любовная сцена между Максом и Теклой, которая ему не удавалась всего, родит. Посылавши в зальше же сентября Тизе в Веймару,

онъ просилъ ея всего пьесу. Тогда же рѣшился онъ обработать прологъ въ самостоятельное цѣлое, чтобы Тѣре могъ имъ открытъ въ октябрѣ театральнѣй сезонъ (въ новомъ зданіи), а самую драму раздѣлить на 2 части.

22 сентября того же 1799 г. Тѣре явился въ Зону за „Легендой“. Шмиллеръ, теперь опредѣлившии, что въ его Валленштейнѣ будуще соединены все три вида драмы (Лагерь-Листерд-комедія, Пикколомини-Фантасматическая-оперетта и Смерть Валленштейна — Трагедія-Фантасматическая), пишетъ Кернеру, что ея предсказаніе еще много работы; но эта работа признавая, не то, что сокращать и смѣшать пьесу. Лагерь былъ похвалены въ Веймарѣ и имѣлъ успѣхъ, что очень ободрило Шмиллера къ продолженію работы.

Между тѣмъ, молва о знаменитой драмѣ разнеслась уже по всей Германіи, и ей домогались многіе театры. Насколько было всего просить ее Шрландъ для Берлина; Шмиллеръ обещалъ ея дозрѣвать Пикколомини и срамъ, но зоротился; о каждой сценѣ онъ совозводался съ Тѣре, многое выбрасывалъ. 4 января 1799 г. Шмиллеръ переехалъ въ Веймаръ со всего смысла, чтобы присуствовать при репетиціи Пикколомини, одного экземпляра котораго уже было отправлено въ Берлинъ, а самъ, между тѣмъ, работалъ надъ Смертью Валленштейна. 30 января, после массы труды и усилій обонъ поэтъ, Пикколомини было похвалено въ Веймарѣ и имѣлъ въ одѣ, келье Бургиньонскій центръ. 7 февраля поэтъ вернулся въ Зону и принялся за третью часть съ замочательной энергіей: после долгой возни съ актерами, зрителями и продолженіемъ свиданій съ Тѣре, онъ утверждалъ

себя другими человеками. Въ марте того же года уже
 была окончена вся гравюра, и Шмиллеръ отправился
 въ Веймаръ съавить всю гравюру. 15-го июня съгравированъ
 „Лагерь“, 17-го „Николополюсикъ“, а 20-го „Смерть Валленштейна“.
 Торжественно и радостно обоимъ поздравить вполнѣ вознагра-
 дили ихъ за все труды. Въ Веймарѣ, въ продолженіе
 цѣлой недели не было другихъ разговоровъ, какъ только
 о Валленштейнѣ. 17-мая „Смерть Валленштейна“ была
 дана въ Берлинѣ съ божественно чуждыми, но король
 и королева въ спектакль не присуствовали: они хо-
 зяини видѣть ибсею въ Веймарѣ, гдѣ ее режиссиро-
 вать сама позрь. Это произошло 2-го июня, и Шмил-
 леръ былъ осипанъ ихъ ласками. ✕

Шмиллеръ счарался даже Валленштейну насчетъ
 нравственнаго дотошества, сколько они вообще могутъ
 предполагать у реалиста. Они сформовали его оу-
 таски по разнымъ образцамъ, на которые они ссылались
 съ почтеніемъ и симпатіей, какъ герцога Карла и
 Гея. Они придали ему не только чрезвычайную силу,
 необходимый талантъ правителя, который умѣетъ
 каждаго воспользоваться на его мѣстѣ; царственное
 сердце, которое наслаивать милосердію и щедростью,
 которое привлекаетъ къ себѣ благородныхъ людей
 и проводитъ въ нихъ думу свой образъ; но позрь
 придали ему также умъ, который видѣть во всемъ
 происходившемъ высокую необходимость, который
 хотѣла бы подчиниться природѣ, цѣлому, и позо-
 му въ особеннѣи отношеніяхъ Тридцатилѣтней
 войны хотѣть случиться не интересамъ императора,
 не интересамъ голландцевъ, а немецкому государству

и еврейскому миру; когорный воздуха вь союзе
со шведами зорько для того, чтобы выполнить свои
всестиды намерения и когорный, будучи равнодушеством
къ въпросамъ бытия и когорный, прозвоннополосноеудьль, но,
крывизельсезуесть и проездеануизулу, где это полезно
для его целей. Кроме того, Шиллеръ пославши своего
героя вь зротагельский полоненый, вь когорный вь, кого
онъ любилъ, оу него озворачиваюеся, а зто, когорный
онъ повторяесть, его покидаюесть. Поесть следовалъ общее,
му зеченю поновнней немецкой поэзии, когда вьвдучи
насъ вь вьнузреннествомъ жизни Валленштейна, когда онъ
озкрываесть не зорько его дыйзвий, но законе иль корки,
чубефта, маэзросеный, борбду, когорный иль предисезуесть.
Шиллеръ следовалъ поэтическии згоридель, вь когорный
онъ былъ согласенъ съ Таге, когда рядомъ съ вышними
и вьнузреннествомъ миромъ принималъ вь сообразенне
и зречий миръ, соферу францазий, предчубефтий, виднтий,
случайноеудь и судбб и, когда было возможно, создалъ
ся закочнеть чудесный суизефта, боготъ, предсказате-
лей и оракулотъ древнннхъ суетворидель, стали и пред-
опредтальннхъ. Онъ следовалъ совершенно върному
взгяду на миръ, когда показывалъ — говорилъ В. Мерсеръ —
телотька вь парисккхъ жизни (или Шиллеръ in der Tabak-
Винну?), не озртышенннхъ оуь общаго мирового зече-
ннй, но вьнузренио свзаннынхъ съ нимъ и завнелннхъ
оуь него. Онъ следовалъ своейи содезветному презриель,
ноуу взгяду на жизнь и на реалтотъ, когда у него
реалтотъ, привязанный къ вышнннхъ благалъ, герезе
это падаетъ и самъ прибудуе къ убнзиденю: земля
примадлелетъ злому дулу, а не доброму. На зтомъ

пури Шмилеръ дожить глубокаго, позрелостого вна,
 чарлота и уменьшилъ вину своего верод, но воз-
 можности полно обидевъ его образъ гайсвердъ.

Валленштейнъ, какимъ его изобразилъ Шмилеръ,
 уже попомейъ былъ сердце свое въ мору, думавшій
 зовько о великитъ вечахъ, зикимъ, замкнутой, одинокой,
 казо вдрунъ удивительно увлекающийся и тогда вика,
 забавшій болыицо вужренного глубину. Падение съ
 високаго окна и чудесное спасение едиламъ его
 задумчивые: отъ ехаль кароликотъ и ехизамъ себя
 генеръ за избрание сунсерво: "озваситвий, какъ чело,
 вткъ, которъ не можеть оруннзедъ, отъ шель-по
 колеблощельца кавару гинзю". Война бесуро
 подидла его. Отъ исполненъ былъ радостного ехрем.
 лени. Императоръ любилъ его и доверялъ ему. Его
 предпріяжя удавалес. Но на императорской службѣ
 случалес ужасный вемр. Валленштейнъ ехаль
 бикотъ ехравъ; отъ навлекъ на свою голову зиску
 прокладжн; въ цылой Германн у него не было друга.
 На имперсколь сеймѣ въ Регенсбургѣ собраласъ
 прозвѣ него буря, и императоръ далъ ему наеф, при-
 несь его въ мерзбу! Со своего низложениъ отъ извъ-
 нилсѣ. Казалосъ, что на него сошелъ безпокойный,
 недружелюбной дубъ, недоверчивый и зикный. Сво-
 койсвѣ покинуло его. Президя втра въ ехасе
 и въ совезвенной силъ не вярнуласъ. Вужренного
 опоры, которую отъ пофераль, отъ ехраласъ замкнушь
 втншней. Отъ предася асхрологн. Отъ ехраласъ
 прочизать въ звотздатъ судьбу мтра и своего. Оуъ ншкъ
 отъ ехдалъ совожа замъ, гдѣ самъ колебалсѣ. Новый

призавъ къ власти ничего не улучшилъ. Эгозъ призванъ
 произошел не по склонности, не по доброй воле, а по
 нуждѣ: императоръ нуждался въ немъ, и отъ не скры,
 былъ, что будетъ случаться только самого себя и не хотеть
 больше допускать, чтобы имъ правили дворъ. Въ зрѣлы
 годы отъ уже не чуждывалъ себя только службой импери-
 аторской полицие: отъ поощренъ императорской
 службой, чтобы вести своего собственную полицию.
 Отъ щадить империю; отъ пренебрегать императоръ,
 своимъ повелѣніями. отъ вести переговоры съ вра-
 гами, сначала только (напрямую) ускорить саму,
 которая находится въ его рукахъ, еще больше унизить
 людей въ свои орудія, открыть себя все пути и въ кон-
 цѣ концовъ, какъ имъ итакъ, съ миромъ доурачить
 королевской короны. Отъ играть съ мыслью о страши,
 чтобы дѣлать, на империю серьезной отъ совершить его.
 Но злая мысль уже создавая напряженную отношенія,
 которая образно дѣйствую на него и вредять его сво-
 бодному выбору. Отъ слишкомъ горды, чтобы скрывать
 столько сказывающійся правъ. Ему нужны посредники,
 переговоры, преданные слуги. Мало и Терзкий
 горондъ его оупадение, потому что видя въ немъ
 своего собственную низкую выводу. Служа личному
 фюреру снова, отъ безусловно добродѣль Окра,
 вѣо Пикколомини; а именно Эгозъ Окра доносилъ
 въ Вѣну редкое слово, сказанное въ досаду, каковы
 смѣлый шагъ полководца. Но и быть того отъ окру,
 жено империю. Дворъ смущалъ его за государствен-
 ного измѣнника гораздо раньше, чтобы отъ имъ
 дѣйствительно сталъ. Его жено чуждывалъ при протѣ

через Атланты перешагну наскрозь. Кошмар ослабляет его войско; приговаривают новое суждение отъ долга, поеди, повторяемыми требованиями снова возбуждая, поръ его звать и снова вызываютъ его ослушание. Сидитъ переговорщикъ Валленштейна словлено плече, разорскими слугами; только генерл послушавшая доказа, зельсва прозвать него; въ до же время шведы держатъ зертание, являясь чинно-мочемной: Валленштейна долгиего ронитъ. Звонды, камерей, ему благодаритъ, звонды. Но вторые въ немъ все еще слына, отъ еще срашится тьмны, еще державая правозвенной цюти, котораи привдываютъ его къ долгу. У него есть злой геній въ лице невъерси, графини Терезкой, и добрый геній въ лице юного Макса Пикколомини. Невъерка на чьско-го мнуду являясь равные предохраняющего друга, и эти чьско-го мнуду роняютъ его судьбу. Отъ величь призвать шведа. Отъ заключаясь договорк. Отъ разрывающ цюти долга.

Но все сжаконившая монхурномъ только тогда, когда она наглядно узнала, какую громадную силу Валленштейна соединяетъ въ своей рукахъ, насколько эта сила есть его собственное создание и насколько зреть увеличивается для него искушение. „Это искушение его сердце, это — власть, его лагерь только отъ являясь его презумпция“.

Тотъ подробно познакомилъ насъ какъ съ низкими, какъ и съ высшими слобки армий Валленштейна. Движение въ одинадцать акровъ не казалось ему слишкомъ длиннымъ, чтобы достигнуть своей цели;

и первый из эрмитажников, „Лагерь Валленштейна“, показываешь его на вершине его искусства; отсюда пока-
 заешь в то же время, как и многому отсюда научил-
 ся у Тизе. Национализм его тономески и драмы ис-
 тая, хотя унаследован Тридцатилетней войны по-прежнему
 могли бы вызвать разное изображение. Вмешательство
 явилась гимнесская мексика Тизе: пересмотрены воз-
 можны формы солдатского сословия и воплощены
 в отдельные лица: глухие противопоставлены
 лирикам; недаром — храбрецам; упрямые — возгор-
 денным. Одни помысливают в неповоротливую
 группу, другие в подвижную. Глухие благоговейно
 слушают проповедь капюшина; недаром слышат
 своими вблизи в голову похвально; упрямые,
 это — добродушные филлистеры; лирические унаследованы,
 храбрецы млада удивительны, возгорденные доро-
 жать гостью. Все характеризуются и различиями
 отношениями к бюргерам и крестьянам, и раз-
 личиями отношениями к Валленштейну, и раз-
 личиями отношениями солдатского долга, и кровью
 того больше индивидуальными чертами. Развертывает-
 ся несправа жизнь, как в тономеской пьесе Тизе
 „Армарка в Плендерсвейлери“. Но на гимнесской
 драме ударения, и от низших гимнов мы криче-
 денки к высшим: крова даешь себя удивить; лозарит,
 геть и деро с большой волной, идет сфа безмятная
 бодрость; насравительный вахмистры Птерцакого, ково-
 рым вообразяешь себя особенно посвященным,
 утверждаешь, что главный характер солдата, это, геть,
 смысл и приличие, похвально, зонкий взгляд; на „

прозвись, ловкий, беззаботный егерь Толвка думает, что
солдаха далаерь свобода, свободное слово, свободное
дыло, которое высоко о себѣ думает и на все паль-
мивает; приверженный къ императору аркебузьеру
Тьеррендаха, по-немецки вторичный и бюргерски огра-
ниченный, называет солдахающую жизнь - малкой
жизнью и мечтает о наступлении мира; напрозвись,
баллонский кирасиръ нѣтъ полка Макса Пикколо,
много забывает, что въ сраженье многихъ госуда-
рей ему ни одно положение не нравилось такъ, какъ
его собственное: „солдахи должны губервоуарь себѣ
смыслить, кто не считають это благороднымъ и доухомъ
нравы, лучше пусть охраняетъ подальше отъ этого ре-
меса“. Онъ идеальнее среди вещей реальнее; онъ
хочетъ свободно жить и умереть; онъ хочетъ легко
смотреть на будущимъ миръ со своей лошади. Въ
жизнелии времени онъ хочетъ быть лучше подорож-
нымъ наковалней. Тамъ, где ты видишь золско
музиду и мурение, - говоришь онъ Тьеррендаху, - тамъ
мы видимъ святой день жизни. И это идеальное
настроение въ чудесной пьесе: „Смелый, камрады,
на коня, на коня!“ Пошелъ конь въ поле, въ свобо-
ду! (Hinfuhr, Fortwaiden, auf's Pferd, auf's Pferd? Juh
Feld, in tin Hinfuhrt gezogen!) въ концы концовъ даетъ
жизнь для вещей: золско солдахи едетъ свободный телю,
бракъ; онъ озраываетъ сражаи жизни; его веселая
долга надеетъ ему съ неба; „томоетъ думаетъ, жизнь
постигает: смелый! пока духъ не выдадет!“

Тыны солдахи отнаетъ подготовляють къ жизни
въ возидей, какими они развертываются передъ нами

въ пѣри аскраби, Пикколомини и далѣе въ заклю-
 чительной драгедии, Сверзь Валленштейна. Генералы
 не только вносили въ образъ размысленъ и раздѣ-
 лены на закиды, которые безусловно держатся Вал-
 ленштейна, какъ Илло и Терцкии, на закиды, которые
 съ самаго начала безусловно прозвѣтъ Валленштейна,
 какъ Окрабто Пикколомини, и закиды, которые пере-
 ходятъ отъ Валленштейна къ императору, какъ Узолани,
 Бузлеръ и Максъ Пикколомини, но и въ нѣтъ бы
 находить финическiй прозвѣтокопозитивъ, козъ
 менше выработанный и менше издѣленый, гдѣ
 въ „Лагеръ“. Слова идеть рядъ отъ низкаго до благород-
 наго, отъ эгоизма до самопожертвованiя. Слова изъ
 ряда реализовъ и материализовъ выдѣлеть идеализмъ.
 И какъ ни различны возможны дѣйствiя у отдѣльныхъ
 лицъ, Шиллеръ повсюду забываетъ о томъ, гдѣ онъ,
 падение Валленштейна отъ своей обязанности прежде
 всего являлось причиной означенiя войска отъ Вал-
 ленштейна. Позже, у котораго въ „Донъ Карлосъ“ даже
 идеальныя лица изъ-за мнимо хорошаго дѣла не
 очень строго относятся къ вѣрности и чести, цѣль
 строго стоять на сторонѣ долга, вѣрности, закона, на
 сторонѣ охраняющихъ добродѣтелей и сдѣлать торжѣ-
 ковъ, которые съсвѣдѣть произволу. Они борются съ
 революцiей, какъ Тѣре. Но они борются, какъ и Тѣре, Эфе,
 физически средьвали. Они осуждаютъ безпримѣраетву
 къ своимъ лицамъ. Они не бросаютъ всего своѣго на одну
 сторону и всей жизни на другую. Только Тордонъ, ко-
 мандантъ Эгера и другiя юности Валленштейна, соеди-
 нять полную симпатiю къ полководцу съ полнымъ

встречаются к императору. Это, которые слышать зако-
ну прозвучать произвона, дьяволу это отпавши из со-
ветель медлатородных подбудений, отпавши из
медлатородных рядовъ съ благородными. Моддидея
пара грядетъ, Макетъ Пикколомини, сынъ Октавю,
и Текла, дочь Валленштейна, самые поелдодавари,
ныс идеальны въ псесть: оба расхадыврз со своими
родидельны из-за разливъ выугретидго направле-
нй; оба ряснойимны образны съвязаны съ героемъ, и
когда они озрываются оу его сердца, когда они убо,
гаторъ оу коварныхъ силъ шизии и закиты образны
подпадаторъ шредито прекрасного на земли, каменья,
что добрыс дѣли Валленштейна покинули его. Но и
эти добрыс дѣли не оказыватоя непорочимыи.
Макетъ просиды бы реніалспоичу челоуку, котороу
угрозатоя на его поезу, насилсезвенное сопрозвлени,
дасе идѣнн² оукрадн¹; оты не можетъ просиды
золько измѣны, золько союза съ врагомъ. После смерти
Макса, Текла слѣдуетъ эгонезическоу поуредности
сзрашного горѣ и забываетъ свой долгъ, оставяетъ своего
мажъ въ салую зкшелую мипуу. X

И идеальны, и реальный однохоронны, — чинитъ Шил-
леръ, — золько оба выисрз даторъ совершенный од,
разъ челоукезвѣ. Но задача поэзии по мнѣнію Шил-
лера — дая челоукезкоу природѣ еѣ возможно пол-
ное выраженіе. Эту задачу долаетъ разрѣшитъ и
его «Валленштейнъ». Поэтичю Венера должна надо,
дизсетъ рядовъ съ марсовъ и любовь должна поста-
вить свой пресрочъ среди военной шизии. Поэтичю
уже въ «лагерѣ» идеальны долженъ служитъ контра.

своимъ зоварищамъ. Поэтому Максъ и Текла
 создаваяють необходимое дополненіе къ осязательнымъ
 образамъ. Поэтому въ особеннѣе идеализмъ Максея
 противопоставляеть реализмъ Валленштейну, и многъ про-
 зическо-романтичности болѣе важной, чѣмъ эра. Уже въ раз-
 говорахъ первой пѣснѣ Максъ значительнѣе выделяеть рядъ
 домы съ Валленштейномъ. Во второй пѣснѣ можно было
 бы считать героемъ именно его, а самого Валленштейна
 героемъ только зрѣвей пѣснѣ. Максъ много помолвилъ
 Валленштейна, отъ получилъ отъ него благодарствія,
 отъ носилъ въ думѣ его украшенный образъ. То, что
 любилъ реализмъ, говорилъ поэты, отъ будеть сражаться
 осласливиеть, а идеализмъ будеть сражаться облагородить;
 реализмъ доказываеть своего склонности всегда фальш, что
 дають, идеализмъ же, что принимаяеть. Реализмъ въ выс-
 шьяхъ и дѣйствительнѣе можетъ просить, но только не про-
 звольное, не эскизническое: какъ Валленштейнъ
 держилъ подлѣ себя какъ людей, какъ Улло и Терцией,
 какъ отъ не разсуживала на благодарное какого-ни,
 будъ Изолати, но отъ франшизовеи Октавіо отъ потерялъ
 голову. "Эго случилось прожить героидъ звѣздъ и судьбы!"
 восклицаеть отъ. Идеализмъ помиривъ даже съ эскра-
 вагантомъ и гудовицманъ, если только отъ свидѣть,
 держивуеть о великой силѣ: какъ Максея подалъ бы
 даже мѣрять Валленштейна. Но если реализмъ стро-
 сить: къ чему бы годилась вещь, до идеализмъ спросить:
 хороша ли она? Когда Валленштейнъ сражаетъ дѣй-
 ствовать цѣлесообразно, Максъ хотѣлъ бы дѣйствоваеть
 правдивенно. Въ оппозиціи сражены порядкамъ Максея
 и Валленштейнъ согласны. Максъ правдивополагаеть швъ

разумь, Валленштейнъ — естественную необходимость. Какъ зреть для полководца, что онъ долженъ только спросить своего взыррнннго оракула; онъ самъ слышитъ гоносу своего сердца; но это сердце рѣшаетъ въ похвату долга. Человѣческая природа вовсе не способна къ по- слѣдовательному идеализму. И идеализмъ, для того, чтобы похвнать правдивенно, долженъ увлечься, долженъ много- бенно экзальтировать свою природу, и онъ ничего не можетъ сдѣлать, если онъ не воодушевленъ. Тогда, ко- нечно, онъ можетъ сдѣлать очень много, и его похвн- ки покажутъ такую высоту и величье, которыхъ не- красно искажъ въ действительности реализма. И Макетъ не созданъ для того, чтобы холодно идти по пути долга. И онъ борется съ самимъ собой. И его зѣмь къ Вал- ленштейну, которыхъ онъ долженъ покинуть. Только возмодленная долгина его уверитъ, что онъ похвн- етъ правильно. Тогда у него являея освобожденная мысль. Онъ хочетъ справиться со шведями и пасть въ бою. Онъ дѣйствую въдохновенный и ведетъ своихъ на смерть. „Онъ сразится, — говоритъ Валленштейнъ, — онъ довершитъ“. Идеализмъ дѣйствую на землю какъ нехуево. „Цвѣтокъ пропалъ путь моей жизни, — про- должаетъ Валленштейнъ: — онъ былъ падлы меня, какъ лѣтъ многе, онъ превратилъ мно дѣйствую, похъ въ сонъ, окруная похвнато дѣмоемъ вещей до- лозилъ ароматовъ чужрепей зарю“.

Чоне возвышающій порядокъ въ Харахарахъ, какъ-то, ренное введеніе произвоположностей, дѣйствую ищю удалноу. Валленштейнъ, какъ художественное про- изведеніе, оу дѣйствуюности. Шиллеръ звердо сдѣлать

на роль, что искусство должно давать только призраки,
 только игру; никогда не должна публика забывать этого,
 никогда пошлая действительность не должна навязываться,
 во снах о самой жизни. Во эту пору слушать уже
 Кайтхеллсгейте, Кожорвики, по образцу Тезеусского, "Фрагмента"
 в фильме Томаса Сакса, говорить весь лица "Лагеря". Во
 эту пору слушать законные ямбы обилие поэматический
 трагедий. Во эту пору водить слушателя традиционной франк,
 ций драмы, чтобы весь лица были в соединении подробно
 и в правильной форме развивая свои намерения и
 мечты. Шиллеру походито характеризовать своих
 лиц больше всего, что эти лица высказываются о
 себе сами, и только, что говорят о них другие, только
 действительны, так Кожорвики мы бы сами могли извлечь
 характеристический черты. Выходит только изрядка ха.
 рактерно открыты; но иногда это бывает: так в
 "Лагерь", так в переговорах Буллера с убийцами
 Валленштейна, где высказывающая насущный дикой
 солдак Тридцатипятилетней войны и грубого убийца под,
 нимаясь высоко человека, который были бы мертвой.

Эта знаменитая зрелища имеют весьма разную
 деней и свидетельствуют показывая, как много приобрела
 Шиллеру от сближения с Тезе, и как приобретенная
 обдуманность и объективно благозвучно слились с
 его природной энергией и глубиной. Уже в "Лагерь"
 мы видим Тезеусскую манеру изображать толпу по,
 среднему ряду зрелищ, значительно отдаленных
 лица; серые неграмотные сцене даешь символ каррину
 интересной и глубоко изученной позой эпохи, и
 уже в этой части в Шиллеру видно сказанное

соединение заманчивого психорика и глубокомысленного поэта. Со взором гаси (Писколовани) на это мы не только фронтально разберемся, драма глубокая характеров, приходящих в драматическое столкновение с самим собой и друг с другом. Герой в сцене ярко и резко; он — закатная центральная фигура, не имитация, однако, другая самозавоеватель, поэти, как бы безумная в народный Эпос.

Валленштейн — как уже сказано — практик, реалист, человек действия прежде всего; но в нем и каменная крайняя практичность суетливости и нервозности. Как Писколовани, человек в законе — это сфера гибкой и энергичной, представляющей — как мы уже видели — провозвещающего Валленштейна и высокохудожественный комментарий к нему: Валленштейн сценически действовал целесообразно, как — правдиво; между тем оба, но как различно отношение зрителей к ним гибели! Как и много в драме и другое великое дело: его любовь к Шекспиру — идеальной базис сценической безобразности, хотя и не нужды сцене и разговора. Коротко сказать, ^{говорила Кирилловича} если какое-нибудь художественное произведение может претендовать на изображение серьезной, положительной стороны жизни во всем ее богатейшем произведении, то это Валленштейн Шиллера.

При этой полной сценичности, Валленштейн, вовсе не реальная драма — при реализации была бы невозможна такая широкая задача, — а крайне идеальная, как по форме, так и по содержанию, в законе же

любовь идеальная, какъ и трагедія Софоклова; но
закова сила таланта, что не по военному диктанду,
художественно-спокойный рты генераловъ Золоту-
ней войны не кажутся никому искусственными.
Насколько Шиллеръ былъ доволенъ зрѣи своей пьесой,
видно изъ того, что онъ немедленно же принялся
за Марію Стюартъ, не давъ себѣ времени отдохнуть.

Въ окончаніи зрѣилогія Валленштейна Шиллеръ
вообще нашелъ новую классическую форму своей
драмы. Хотя въ некоторыхъ случаяхъ онъ еще болѣе
приближался къ античному стилу и каждый разъ
видоизменялъ обработку согласно своему, но въ
общемъ онъ съ полной свободой прилагалъ генеръ
къ искусству, которому какъ будто впервые научился
въ Валленштейнѣ. Но онъ произвелъ еще зрѣею че-
тыре оригинальныхъ пьесы: Марію Стюартъ, Урлеанъ,
сказку Даву, мессинскую Неветьсу и Вильгельма Тел-
ля. Новая трагедія Марія Стюартъ, начатая въ апрѣ-
лѣ 1799 г., а оконченная въ 1800 г., вполне доехотна
автора Валленштейна. Въ ней выказывающа въ пол-
ной блескъ его сценической талантъ и искусство при-
водить въ движеніе сцены и волновать зрѣтелей.

Марія Стюартъ — одинъ изъ старѣйшихъ плановъ Шил-
лера, взятый изъ эпохи, которой съ особенностью усерді-
емъ занимался поэтъ. В. Шереръ ^{Шиллеръ} предполагалъ, что
первоначально онъ ^{Шиллеръ} ~~имѣлъ~~ въ виду и здѣсь, какъ въ
Донъ Карлоса, какъ, можетъ быть, первоначально въ
Валленштейнѣ, полемизировалъ противъ католиче-
ской политикѣ; Elizabeth должна была быть героиней,
ней, Марія Стюартъ явилась бы доехотной социальнаго,

какъ невинное или наполовину невинное орудіе ауги-
 реформациі, а Елизавета была бы прославлена какъ
 приобретшице свободы, и смертной приговору Маріи
 была бы религиозный актъ - принесеніе личности въ
 жертву Блгу общесудьбному. Но въ фактическии не,
 по имени Шиллеръ воздержался отъ всякой тенденціи.
 Слова, разномыслие о црлданъ и свободѣ искусства,
 вліяніе Тѣе и, наконецъ, изученіе сюжета заставили
 его измѣнить намырленіе. Тройней стала Королева
 католическая. Поэтъ сталъ дотозачно германовъ,
 чтобы упорядить католицизмъ гисо художественными
 образами, а свои содѣятели религиозный и любой
 подлинный художественный намырленіи. Это впол-
 нѣ безпристрастно предельно изумительную пропаганду
 въ ея вліяніи на Шорднера и также безпристрастно
 выводитъ связанное дѣйствіе католическаго культа.
 Она забываетъ только о томъ, чтобы поднимать своего геро-
 ично и приобрести для нея симпатію зрителя. Когда
 поэтъ и не скрываетъ, что за каю своей мига и изумленіи,
 зритель ей отдастъ все свое сочувствіе, извиняетъ ея
 слабости, увлекаетъ ея нечеловѣчностію и невидитъ
 ея убійцу. И въ другихъ отношеніяхъ все происходитъ
 такъ, чтобы, какъ въ „Валленштейнѣ“, приблизить геро-
 ично къ нашему сердцу. Въ грѣхѣ были коронованъ
 католической неопознати; она горько въ нѣтъ раскаи,
 воевая; она не виновата въ томъ, за что ея по закону
 осудили къ смерти, и занята только логически
 свидетельствовать предъ лицомъ слуги. На вѣдь, кто къ
 ней приближается, она производитъ гармоничное дѣй-
 ствіе; нельзя увидѣть ничего болѣе зрочаго, какъ

голый гитарный аккорд, где во виду смерти привороженцы
 ей кладут к ее ногам свою любовь и преданность;
 заклятие огарованое морозинером, козорой ради над рожанель
 на покушение прозавь Елизаветы, заклятие огарованое
 Лейзером, козорой отвернулася оуб Елизаветы к ней; закля-
 тии огарованые многие, о козорых мы золько слышывы.
 Любовь и ненависть, мирская сража, земной воздуха
 еще не перезли изъ ее души. Ее безрыка ет Елиза-
 ветой открываея ея демоническую природу: какъ мысль
 о свободѣ, когда ей нузило золько выйди въ садъ, кружиль
 ей голову и она изливаетъ свое губево въ лирически
 раздѣрала, украшенныя ридной и снабженныя
 увлекающей резорикой, и какъ поэмы, пересилет,
 над болельемъ она легко губебуея, что она не мо-
 жетъ зеперъ быть смиренной передъ Елизаветой, какъ бы
 должна была быть; какъ после Эзога, когда она всезакси
 сзойиъ передъ королевой, въ ней загораетъ мечница
 и демонъ, она унижаетъ слова въ своемъ прозвани,
 ну, а на дѣлѣ сажу себя, и екаелива, что налади,
 ластъ мнеченель! Дале въ Эзой знаменитой еженъ ея
 Елизаветой, где ет Марія снадаея ея маска смиренно-
 мудрой, и она осмиваетъ колкости цуреканы власти,
 желонницу своей судьбы, зриетъ безудельно на ея соро-
 нѣ; Эзо обьявлетъ ея золько, что поэты ослабили межо-
 рическые поэмы и выдвинули на первый планъ чи-
 сло человетческые. Марія являея у Шиллера грѣшны,
 цей окривенной и нестерной; Елизавета — бездущной,
 лицемерной, однимъ изъ золько мадей чейтыка, козо-
 рые вышавотъ полкучо анджинаго ветель видатонимъ,
 ет поэты гуманного направленья. Марія сама говоритъ

1) Filante Wolken, fraglos die Luft...

Спитинной облака, плаваеяли воздуха, что ет выны срагованова ет,
 что ет выны плаванова ет.

Элизавета про себя:

Как женщина, в прощаньи я впадала
 Вь младиль и мгла; могущеество была
 Осломлена, но не тайла иль,
 И съ гордоство моткарлани свободной
 Я лозинцо парусиное презирала.

Все людие о мнь извостно миру,
 Но смело го могу сказать, я лучше
молви, повсюду обо мнь гремящей.

Но горе, горе! Как она сорветъ
 Съ збонь дьякнй гесноеси покровъ,
 Подъ коимъ сраеси, дикіе порывы
 И наслажденья тайнвй скрываетъ. (Переводъ Машинкова).

Когда же Марія убогаеетъ въ пензбъиноеи
 казни, въ виду смерти ее покидають землии ея,
 нид, она сраживаеетъ съ себя весь теловическй сраеси
 и сладоеи. Она процаеетъ гиль, кою ей едълалъ зло.
 Она поизи добровольно принимаетъ смерть, какъ
 наказанье не за го, въ чело обвиняеетъ ее Элизавета,
 а за свои пресикіе грѣхи. Она надъезд искутиръ
 смерсно сфарое презупленіе, учаеи въ убійствъ мужа
 и бракъ съ убійцей. Она ошцена; гоидя каюцаеетъ
 грѣшница сфаквицея святого. По еловамъ духовни-
 ка, козорату она исповѣдалася и ози козорого пра-
 чьяла прикаеи, она — «прекрасный, чезій ангель,
 на вьки соединивеетъ съ божіеисувеннаи».

Тѣмъ боише возвышалася образъ Маріи, гиль боише
 должила была дьръ унижена я прозивница. Во вьки,
 чело лодъ псеи все веривеетъ на мозириовити смерт-
 того приговора. Элизавета не можеетъ рѣшиться подъ,

тсара его; но ее удерокивает не человеческое чувство, а только страх Жюльков о зиратии. Прекрасно сгрупированы вокруг нее государственные люди: Шамбоур, президиум сироты Марии, мясной и человек, ный; Бурлей, шестой и безсердечный, безусловно податиции вопоев за смерть Марии по государству, ный соображениями; Лейзер, малко мелкий и вороволомный, который любит Марии и боготв ее спасу, — у него недогадыва мучивева для дела, оти ижесть озерочки, и наконец думает Жюлько о сод, сренном спасении. Визавеза подстрекает ко всем, но так убивебу скачала Паулеза, Жюльков о оберога, Жюль Марии, позове его мянмника Морзилера, по первой смикоме грядмодуменк, второй — займий вос, пизанник иезуитов и гордый поклонник Марии. Визавеза все ревнует и оскорбляется ижесть, виемь. Она уверивает, что при той сцене в еаду она знала в глаза Лейзера, и Жюльков ^{она} Франциска. При зворно усудная требованию народа и подв виеахле, виемь покументид Морзилера, она подписывает при, говорю. Но все-таки в закон Франциска, что она осудает в сироты, а вика должна пает на ее секретаря. Она не дала ему никакого определеннаго приказа, но, не давши точнаго распоряжения, оставила ему подписанный лист. Бурлей находил его в оуказ, ни, безпомощным, коледлющим, вививает у него бумагу и велит исполнить приговоры. А вие, завеза обвиняет секретаря! Шамбоур, главный человек при дворе, слагает в себя своего должност. Лейзера, поуреденной смертью Марии, утвзывает во Францию.

Эта — зюккая герза, что нель уоне висурь надь голо,
 вий Марин на зюккой пуркы и что она сама подроть,
 зываеь эту тужку. Жизнь, свобода, козорая ее окружа,
 еь вить зюремный еь вь садь, пробудидаеть вь
 ней земное, и земное здемь ее вить. Вель пуркы змь,
 ни бедурь кь смерь. Шиллерь хорото выразиль конь,
 зраеь бразидующия змещивь, но не достаточо
 выказаль вь Этоь контрасть. Марин, змещива
 дурной репузацин, — лучше Этоь репузацин. Эмиза,
 веза, змещива еь доброй репузацин, — хуже Этоь репу-
 зацин. Первад не скриваеь своих зреть, вьзрэд
 мизелторна. Первад ситла, вьзрэд охорошма;
 первад — охорошма, вьзрэд — скривая. Первад возвоша,
 еь до ошущеня и не пуридаеть болше вь земнью
 благодь; вьзрэд надаеь вь глаза своих вторых,
 миль слурь и зердель земнью блага, козорид мюбуь.

Специфически зменшениое вь правленин Эмизавезы
 достаточо не проявляеь. Типическу герзу зменской
 натурь указываеь зюкко то, что дало рождаеь редкоерь,
 что еь обьидь еьзроть вьрываеь мелогно зменское
 и приводить кь казасуроть, что Марин Эмизавь на,
 ходить удовлетворение вь драмнью рожда и что
 вь оубоь на Это Эмизавеза употребляеть своего перрэд,
 зельнью силу.

Шиллерь превосходно нашель и выразиль драма,
 змещивое положение. Эра зрагид мюфеть поскоь,
 ронь образель смизаеть практическимь подзверидени,
 ель зюремнью мьсли коьз, что вь акционной дра-
 мь, кь козорой онь еьралель приближеть, болше
 внимавидь обрацалель на действие, тьль на действующия

лицу, больше на связь событий, много на изображение характеров. Также и мало выставило или испернала Шиллер характеры в этой драме. Но все-таки преобладающая здесь экспозиция: интересное действие, интересные диалоги; диалоги вытекают из действия; они характеризуют лицо, козоровый его ведуть; последняя же говорит ничего против того, что она именно должна, ни была бы сказать в силу своего характера и в силу данного положения, и все-таки в то же время сообщать слушателю то, что ему лично знает. Тем, конечно это — мастерское произведение.

В «Марии Стюарт» Шиллер сделал мелкую ошибку, свеннось в основном рывагом действия. Здесь много идеализма, который шибель в Максимилиане Лоткине; а Маркиза, занимателен почти уже не самому роль, принадлежат к той же категории, козоровый созданный Шиллер строго осуждал, к той же франца, едаль, ложный идеализм козоровый сражен, козоровый, как она говорит, козоровый вполнот отдаваться капризу сражен, видать своего свободу в пренебрежении правительственных законов и кончатся полным разрывом. «Мария Стюарт» представляется датским. тий шаль Шиллера в сторону античной трагедии: в ней все сведено к одной казасуффе и много ни одной сцене, козоровый не была бы связана с ней самым образом. K

„Die Jungfrau von Orléans, eine tomantische Tragödie“
 („Орлеанская Дюба“, романтическая трагедия, 1801 г.), роде прославленная героиня казасуффе, представляется чрезвычайного важного поворота козоровый в развитии

зворающейся грядущности Шиллера, сколько в истории
человеческой мысли вообще: вытекает из первой части
Тэгева. Фрауза она дает силу и определенность новой
теории искусства и новому мировоззрению, именно
романтизму, который без этой неосознанной поддержки,
ки Тэге и Шиллера еще долго оставался бы догмой,
имея небольшого кружка мало популярных писа,
женей и, получив силу, мог бы принять другое, менее
широкое направление. В начале романтизма, о
романтизме мы будем говорить позже; теперь же
распространились обр. „Орлеанской Девы“ без озно,
метий кь той школе, для которой она служила
необычным и даже мало признанным манифе,
стом.

В „Орлеанской Девы“ Шиллер выбрал чудесный
образ среднеть вьковъ, но при этом еще раз и пред,
ставилъ идеальной женщины, которое бы,
режя за благое дело и освещена благословениемъ
церкви и благословениемъ природы. Шиллеръ весьма
сердечно бореться съ сфоромъ. Этот Хогеръ здесь вопло,
тель го „наивное“, которое они такъ высоко ставили гео.
режимски, но вытекаетъ изъ гонимъ воплотилъ опять и другое:
ураза прекраснаго на земли! Земная любовь ее гудитъ.
„Человкъ ощущаетъ золько срамный выборъ между чуб,
свободнымъ счастьемъ и душевнымъ покоемъ“. Въ ду,
шевномъ покои нарушенъ, какъ золько въ ея сердце
проникаетъ склонность кь одному челоуку.

Въ героиню этой трагедии возведено францужески
въ идеаль го „наивное“, которому Шиллеръ поклонял,
ея, какъ теоретикъ искусства. Дозеки живая фантазия